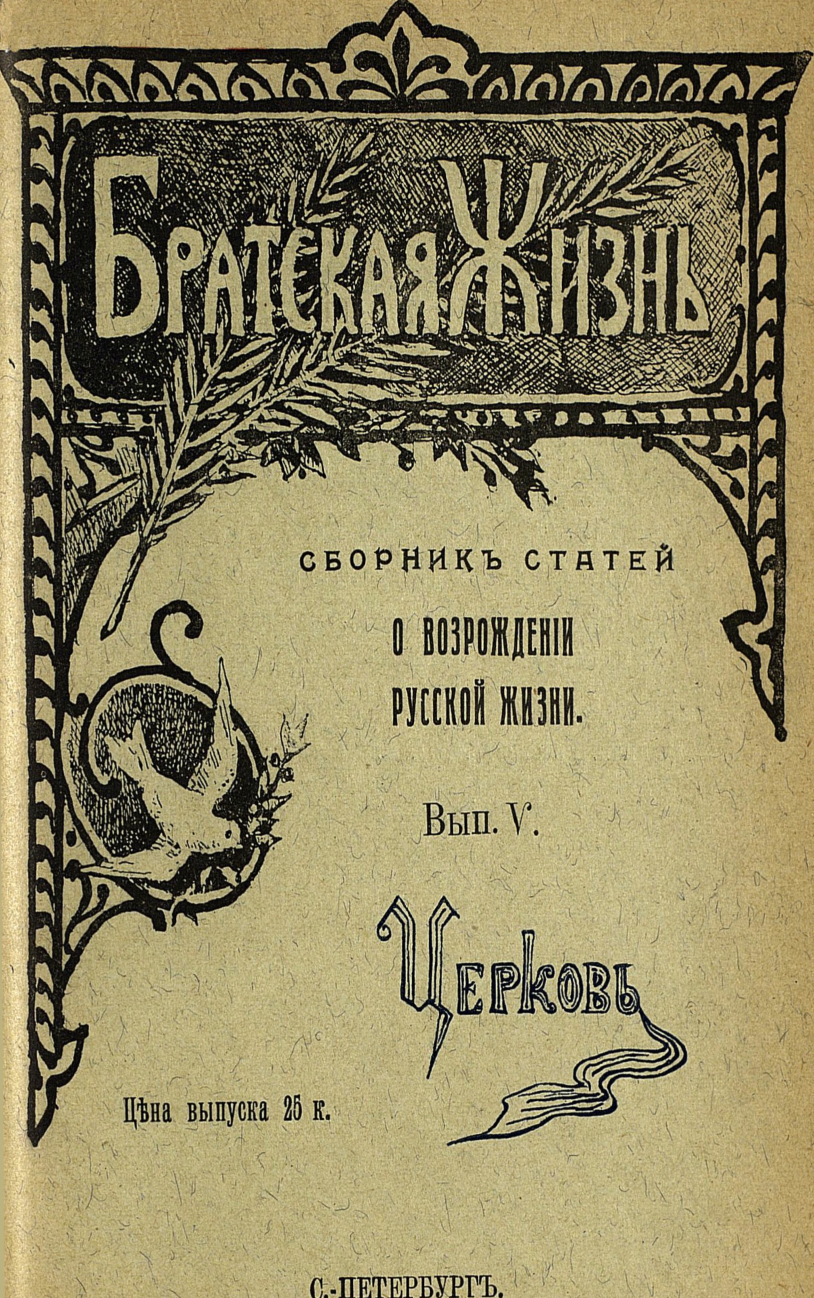

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „УЛЕИ“, Кирпичный пер. 3.
1910.

„Братская Жизнь“

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ШЕСТИ ВЫПУСКАХЪ.

Задачею своей сборникъ „Братская Жизнь“ ставитъ —содѣйствіе преображенію жизни на началахъ вѣры, любви, братскаго единенія, свѣта знаній и мирнаго строительства добра.

Въ сборникѣ будутъ помѣщаться статьи, очерки и другія произведенія: *А. П. Аксакова, Ф. П. Аксакова, А. Н. Баратынскаго, Е. Н. Баратынской, С. Н. Булгакова, А. Ю. Ваганова, П. П. Квашниной-Самариной, Н. Д. Кузнецова, Св. А. Кулясова, Т. П. Мятлевой, М. А. Новоселова, І. В. Никанорова, А. А. Папкова, Ф. Д. Самарина, Н. М. Соловьева, К. И. Ровинскаго, А. А. Тихомирова* и др.

Подписная цѣна за всѣ шесть выпусковъ съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Максиміліановскій переулокъ, 19, кв. 17, у редактора-издателя сборника „Братская Жизнь“ *Александра Петровича Аксакова.*

Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ 25 коп., съ пересылкой 30 коп.

Содержаніе.

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ V. ЦЕРКОВЬ.

„Свободные".

Посвящается П. К. Г—ну.

Нѣтъ! не на то родились мы
Чтобъ трепетать въ постыдномъ страхѣ
Игрушкой быть въ рукахъ судьбы,
Иль ползать передъ ней во прахѣ.

Нѣтъ, съ пламеннымъ огнемъ въ груди
Невмѣстно быть судьбы рабами.
Для насъ путь доблестной борьбы
Указанъ свыше небесами.

Мы, уступая силѣ вѣка,
Неправдой не возьмемъ утѣхъ
И долгъ высокій человѣка
Не промѣняемъ на успѣхъ.

***

Пусть въ ковахъ вѣчныхъ противъ брата
Проводитъ жизнь толпа вокругъ,
Въ минутной славѣ, въ звонѣ злата
Намъ не искать утѣхи, другъ!

*
**

Не манитъ насъ успѣхъ минутный,
Не любъ царящій вкругъ задоръ,
Поднявшись въ высь, надъ бездной мутной
Паримъ, горѣ вперяя взоръ.

**
*

Но вечерѣетъ, въ мірѣ бренномъ
Сгустилась тьма, устали мы.
Впередъ, взалкавъ о благѣ тленномъ,
Несутся шумно дѣти тьмы.

**
*

Пускай же мы отъ нихъ отстанемъ
И смерть насъ, не побѣда ждетъ
Мы въ вѣчность съ вѣрой мощной глянемъ;
А смерти скажемъ: пусть идетъ!

Александръ Аксаковъ.

———◆●◆———

Живой организмъ истины и любви.
(Взглядъ А. С. Хомякова на церковь).

Современный разбродъ мысли и жизни даетъ цѣлый рядъ явленій, съ одной стороны, въ высшей степени тягостныхъ, а съ другой—чрезвычайно характерныхъ, какъ для нашего, такъ и для всякаго вообще человѣческаго общества, начинающаго терять въ своемъ сознаніи ясный идеалъ жизни и опредѣленные пути его осуществленія.

Мы словно стоимъ на пожарищѣ: обгорѣлые остатки зданій, разбросанное въ полномъ безпорядкѣ имущество, безобразное смѣшеніе цѣннаго съ малоцѣннымъ, и полная растерянность тѣхъ, кто въ этомъ зданіи жилъ, кто этимъ имуществомъ владѣлъ. Они не знаютъ за что схватиться, бросаютъ одно, берутъ другое, подходятъ къ третьему и, наконецъ, останавливаются въ безысходной тоскѣ, безсильно опустивъ руки.

Спросите у современнаго человѣка, во что онъ вѣритъ, гдѣ то высшее совершенство, ради котораго не жаль никакихъ усилій ума и воли, которое одно только способно внести руководящій свѣтъ во всякій жизненный шагъ.

Люди большого и глубокаго ума хотятъ найти и ищутъ этого совершенства въ глубинахъ философскихъ ученій и научныхъ изысканіяхъ,—они тамъ и находятъ, но далеко не то, чего ищетъ ихъ душа.

Нѣтъ болѣе высокихъ, чистыхъ и безкорыстныхъ наслажденій, какъ наслажденіе мыслящаго ума, пытающагося проникнуть въ разумъ вселенной и въ отдѣльныхъ крупицахъ ея жизни находящаго величайшую разумность. Но за однимъ познаннымъ и понятымъ фактомъ встаютъ милліоны другихъ и одинъ изъ величайшихъ разумовъ человѣчества сказалъ горькую для человѣческой мысли истину: „я знаю только то, что ничего не знаю"

Умы мелкіе, неспособные подняться до высоты философскаго пониманія вещей, довольствуются готовыми дешевенькими мнимо-научными теоріями, которыя плодятся, какъ грибы послѣ дождя, удовлетворяютъ на мгновеніе требованіямъ данной минуты и затѣмъ гибнутъ безвозвратно, не оставляя какихъ-либо замѣтныхъ слѣдовъ въ человѣческой жизни.

Но это область ума, которая не только не исчерпываетъ всего человѣка, но для громаднаго большинства человѣчества, занятаго ежедневнымъ тяжкимъ трудомъ, слишкомъ часто не составляетъ даже потребности, а всего менѣе даетъ руководящій жизненный свѣтъ и необходимое душевное равновѣсіе.

Человѣкъ не только мыслитъ, но и дѣйствуетъ. Въ человѣкѣ есть не только умъ, но и его воля; и если эта воля остается бездѣйственной, и не находитъ себѣ руководящихъ началъ,—у людей чуткаго сердца и искренней совѣсти душевное равновѣсіе бываетъ нарушено, жизнь становится безконечно тягостной и удручающе тоскливой. Тоска обхватываетъ человѣка еще болѣе потому, что души низменныя, видя и чувствуя растерянность душъ чистыхъ, даютъ полную волю своекорыстію и личнымъ интересамъ, общій жизненный уровень понижается и кажется, что рушится сама жизнь.

Въ первый разъ за всю міровую исторію былъ

указанъ путь, гдѣ мысль и воля, а вмѣстѣ съ ними и вся человѣческая жизнь сливались въ одно гармоническое цѣлое и давали богатѣйшій плодъ полнаго душевнаго равновѣсія и могучее движеніе впередъ.

Это слово было сказано Богочеловѣкомъ среди галилейскихъ рыбаковъ, перекинулось въ великую и славную своимъ разумомъ Грецію, проникло въ желѣзную государственность Рима, разнеслось по всему свѣту и на этомъ словѣ выросло величественное и святое зданіе, имя которому христіанская церковь.

Скажите современному человѣку слово „церковь" и прослѣдите за тѣмъ страннымъ впечатлѣніемъ, какое получится.

— Церковь—это значитъ обряды, посты, красивыя зданія, но гдѣ-же отвѣты на жизненные запросы?—скажетъ одинъ.

— Свободная мысль и свободная воля, полный просторъ всѣмъ способностямъ человѣческаго духа,— а церковь угнетаетъ все, все ставитъ въ узкія застарѣлыя рамки и человѣческая душа задыхается въ ней,—отвѣтитъ другой.

— Человѣчество выросло изъ наивныхъ рамокъ неопредѣленныхъ вѣрованій и трудно доказываемыхъ утвержденій. Государственныя и правовыя нормы, строгая организація человѣческаго общества, съ соблюденіемъ интересовъ каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ,—вотъ современные задачи и идеалы и имъ церковь должна уступить свое мѣсто,—скажутъ иные.

— Церковь—это Богъ и небо, ей нѣтъ дѣла до жалкой, мятущейся въ суетѣ и прахѣ земли. Тамъ—въ небѣ ея начало и конецъ; туда направлены всѣ ея стремленія, а жалкая земля и жалкіе черви—люди, копошащіеся въ ежедневной суматохѣ и убогихъ попыткахъ поддержать и украсить свое мимолетное существо-

ваніе—это только призракъ и слѣпое заблужденіе нищенствующаго человѣческаго духа.

Если вы прислушаетесь ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ голосамъ, которые раздаются въ средѣ христіанскаго же міра, то отмѣтите одну неизмѣнную черту: говоря о церкви, ее понимаютъ, какъ нѣчто внѣшнее, къ чему надо подойти, гдѣ нужно искать отвѣта на тѣ или иные запросы ума или жизни. Забыто только одно, что въ церкви надо жить. Въ этомъ отношеніи А. С. Хомяковъ даетъ намъ лучшій образчикъ,—какъ въ своей жизни, такъ и въ своей мысли,—вѣрующаго христіанина и русскаго православно-церковнаго человѣка.

Ю. Самаринъ въ предисловіи къ изданію сочиненій Хомякова 1867 года говоритъ о Хомяковѣ слѣдующее:

„Хомяковъ *жилъ въ церкви* (разумѣется, въ церкви православной, ибо двухъ церквей нѣтъ)“

Но мы чувствуемъ, что такое опредѣленіе большинству читателей покажется черезъ-чуръ широкимъ и скуднымъ.

Все дѣло въ томъ, что разумѣть подъ словами *„жить въ церкви“* Въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употреблены нами, это значитъ, во-первыхъ, имѣть въ себѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что церковь есть не только *что-нибудь*, не только нѣчто полезное и даже необходимое, а именно и дѣйствительно то самое, и все, то, за что она себя выдаетъ, то-есть, *явленіе на землѣ безпримѣсной истины и несокрушимой правды*. Далѣе, это значитъ: всецѣло и совершенно свободно подчинять свою волю тому закону, который правитъ церковью; наконецъ, это значитъ: чувствовать себя живою частицею живого цѣлаго, называющаго себя церковью, и ставить свое духовное общеніе съ этимъ цѣлымъ превыше всего въ мірѣ.

Если насъ спросятъ: да развѣ не всѣ православ-

ные *живутъ* въ церкви? то мы, не задумываясь, отвѣтимъ: далеко не всѣ. Мы живемъ въ своей семьѣ, въ своемъ обществѣ, даже до извѣстной степени въ современномъ намъ человѣчествѣ; живемъ также, хотя еще въ меньшей степени, въ своемъ народѣ; въ Церкви же мы *числимся*, но не *живемъ*. Мы иногда заглядываемъ въ нее, иногда справляемся съ нею, потому что такъ принято и потому, что иногда это бываетъ нужно; напримѣръ, подъ вліяніемъ заботы о какой-нибудь нашей выгодѣ, положимъ, хоть о сбереженіи нашихъ полей отъ потравъ или нашихъ лѣсовъ отъ порубокъ, мы вспомнимъ, что церковь учитъ нуждающихся терпѣнію и запрещаетъ посягать на чужую собственность. Учитъ, дѣйствительно, но вѣдь не одному этому, а еще и другому, и многому другому. Или, напримѣръ, въ одно прекрасное утро, узнавъ, что на Руси наплодились нигилисты, мы начинаемъ бросать въ нихъ и сводомъ законовъ, и политическою экономіею, и общественнымъ мнѣніемъ Европы, да ужъ заразъ и религіею, благо она подвернулась намъ подъ руку. И здѣсь опять несомнѣнно, что нигилизмъ осуждается вѣрою; жаль только, что мы вспомнили объ ней поздно, съ перепугу, и что она намъ понадобилась только какъ камень.

Вообще, можно сказать, что мы относимся къ церкви по обязанности, по чувству долга, какъ къ тѣмъ почтеннымъ, престарѣлымъ родственникамъ, къ которымъ мы забѣгаемъ раза два или три въ годъ, или какъ къ добрымъ пріятелямъ, съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго, но у которыхъ, въ случаѣ крайности, иногда занимаемъ деньги. Хомяковъ вовсе не *относился* къ церкви: именно потому, что онъ въ ней *жилъ*, и не по временамъ, не урывками, а всегда и постоянно, отъ ранняго дѣтства и до той минуты, когда онъ покорно, безстрашно и непостыдно встрѣтилъ посланнаго къ нему *ангела-разрушителя*.

Церковь была для него живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы; онъ стоялъ передъ ея лицомъ и по ея закону творилъ надъ самимъ собою внутренній судъ; всѣмъ, что было для него дорого, онъ дорожилъ по отношенію къ ней; ей служилъ, ее оборонялъ, къ ней прочищалъ дорогу отъ заблужденій и предубѣжденій, всѣмъ ея радостямъ радовался, всѣми ея страданіями болѣлъ внутренно, глубоко, всей душою. Да, онъ въ ней *жилъ*—другого выраженія мы не подберемъ. Чтобъ сколько-нибудь уяснить нашу мысль, укажемъ на фактъ, по себѣ самый незначительный, но, по наглядности своей, годный для примѣра. Когда насъ зовутъ на свадьбу или на вечёръ, мы надѣваемъ фракъ и бѣлый галстухъ. Почему мы это дѣлаемъ? Только потому, что такъ дѣлаютъ всѣ, такъ принято въ той средѣ, въ томъ обществѣ, которое мы называемъ своимъ. А почему подчиняемся мы уставамъ этого общества? Потому, что мы не допускаемъ мысли, не смѣемъ и не хотимъ оскорбить его. А не хотимъ потому, что мы въ немъ *живемъ* и дорожимъ нашимъ съ нимъ общеніемъ. Хомяковъ, всю жизнь свою въ Петербургѣ, на службѣ въ Конногвардейскомъ полку, въ походѣ, заграницей, въ Парижѣ, у себя дома, въ гостяхъ, строго соблюдалъ посты. Почему?—По той-же самой причинѣ: потому что такъ дѣлаютъ всѣ, то-есть, всѣ тѣ, которые для него были *свои;* потому, что ему не могло придти на умъ нарушеніемъ обычая выдѣлиться изъ общества, называемаго Церковью; потому, наконецъ, что его радовала мысль, что съ нимъ въ одинъ день и часъ все *его* общество, то-есть, весь православный міръ заговляется или разговляется, поминая одно и то же событіе, общую радость или общую скорбь. Разумѣется, большинство смотрѣло на это иначе и пожимало плечами. Когда надъ нимъ смѣялись, онъ отсмѣивался; но онъ

серьезно досадовалъ, когда люди благонамѣрные и *непостящіеся* благосклонно заявляли ему, что имъ пріятно видѣть такую привязанность къ добрымъ преданіямъ, которыми хоть отчасти поддерживается общественное благоустройство; досадовалъ онъ потому, что, дѣйствительно, съ его стороны не было въ этомъ никакого подвига, ни заслуги: онъ поступалъ такъ потому, что не могъ поступать иначе; а не могъ опять-таки потому, что онъ не *относился* къ Церкви, а просто въ ней *жилъ*.

Но живя въ Церкви, Хомяковъ сохранилъ во всей полнотѣ свою человѣческую личность, ибо форма жизни такъ естественно отвѣчала его внутреннимъ настроеніямъ.

„Хомяковъ,— продолжаетъ Самаринъ,— представлялъ собою оригинальное, почти небывалое у насъ явленіе *полнѣйшей свободы въ религіозномъ сознаніи.*

Этимъ онъ поражалъ всѣхъ, не только склонившихся къ его образу мыслей, но и самыхъ заклятыхъ своихъ противниковъ. При первой же встрѣчѣ съ нимъ нельзя было не убѣдиться, что онъ хорошо зналъ, продумалъ и прочувствовалъ все то, чѣмъ въ наше время колеблется и подрывается вѣра. Ему были коротко знакомы и пантеизмъ, и матеріализмъ во всѣхъ его видахъ; онъ зналъ къ какимъ результатамъ пришла современная наука, какъ въ изслѣдованіи явленій природы, такъ и въ критическомъ разборѣ священнаго писанія и церковныхъ преданій; наконецъ, онъ провелъ много лѣтъ въ изученіи исторіи религій, слѣдовательно въ обращеніи съ тою измѣнчивою, вѣчно волнующейся стороною человѣческихъ вѣрованій, которая, повидимому, такъ убѣдительно свидѣтельствуетъ противъ какой-бы то ни было истины, непреложной и не подлежащей законамъ историческаго развитія; и при всемъ томъ его убѣжденія

не пошатнулись; онъ устоялъ въ нихъ. Таково было первое впечатлѣніе, которое онъ производилъ на всѣхъ.

Затѣмъ, при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, нельзя было не замѣтить въ немъ другой черты: Хомяковъ не только *дорожилъ* вѣрою, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ несомнѣнную увѣренность въ ея *прочности*. Оттого онъ никогда не боялся за нее, а оттого, что не боялся, онъ всегда и на все смотрѣлъ во всѣ глаза, никогда ни передъ чѣмъ не жмурилъ ихъ, ни отъ чего не отмахивался и не кривилъ душою передъ своимъ сознаніемъ. Вполнѣ свободный, то-есть, вполнѣ правдивый въ своемъ убѣжденіи, онъ требовалъ той же свободы и для другихъ. Въ то время, когда у насъ, ввиду распространившагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невѣрія, зарождались предположенія, вродѣ того, что не худо-бы положить въ основаніе преподаванія геологіи книгу Бытія, онъ прямо и рѣшительно высказалъ въ одной запискѣ, что многіе изъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ науки естественныя и историческая критика пришли своимъ законнымъ путемъ, противорѣчатъ принятымъ преданіямъ; что это скрывать не должно, и что было-бы не только неразумно, но и оскорбительно для вѣры стѣснять свободное развитіе науки, такъ какъ, съ одной стороны, сама наука еще далеко не высказала своего послѣдняго слова, а съ другой—никто сказать не можетъ: все-ли мы поняли, что намъ повѣдано, и вѣрно-ли поняли.

Всѣ сколько нибудь всматривающіеся въ обыкновенный типъ человѣка набожнаго, встрѣчающійся у насъ и вездѣ въ образованномъ кругу, вѣроятно замѣчали, что набожный человѣкъ очень часто дорожитъ своею вѣрою не столько какъ несомнѣнною истиною, сколько ради того личнаго успокоенія, которое онъ въ ней обрѣтаетъ. Онъ бережетъ и холитъ ее, какъ вещь цѣнную, но, въ то же время, хрупкую

и не совсѣмъ надежную. Это отношеніе къ вѣрѣ подбито, съ одной стороны, затаеннымъ, часто безсознательнымъ для самого вѣрующаго, но очень замѣтнымъ для другихъ, невѣріемъ; съ другой стороны, оно не чуждо и нѣкоторой доли особеннаго рода эгоизма—эгоизма *самоспасенія*. Отъ этого, именно оттого, что вкралось въ душу сомнѣніе въ несокрушимость вѣры, набожный человѣкъ такъ часто обнаруживаетъ крайнее снисхожденіе и малодушную терпимость къ тѣмъ болѣзненнымъ наростамъ, которые всегда и вездѣ встрѣчаются на исторической оболочкѣ церкви. Онъ внутренно сознаетъ въ томъ и другомъ проявленіи мнимой церковности суевѣріе, натяжку, обманъ или ложь; но у него не поворачивается языкъ назвать вещи по имени: онъ видитъ злоупотребленіе, а рука не поднимается устранить его—ему страшно. Все это какъ будто освящено церковностью, все обкурено ладаномъ, все окроплено.

„Какъ-бы,—думаетъ онъ,—снимая наростъ, не поранить живого тѣла и выдержитъ-ли оно операцію? Вотъ кругомъ стоятъ врачи, давно приговорившіе его къ смерти; ну какъ они правы!“ И набожный человѣкъ, забывая, что это тѣло, за которое онъ дрожитъ, есть тѣло Христово, а не тѣло духовенства, или Россіи, или Греціи, притворяется, будто-бы ничего не видитъ и не слышитъ, отмалчивается, отписывается, лукавитъ душою передъ собою и другими, оправдывая на словахъ то, что самъ про себя осуждаетъ. Совершенную противоположность этому, всѣмъ намъ хорошо знакому типу, представлялъ Хомяковъ. Онъ дорожилъ вѣрою, какъ *истиною*, а не какъ удовлетвореніемъ для себя, помимо и независимо отъ ея истинности. Самая мысль, что какая-нибудь подмѣсь лжи или неправды можетъ такъ крѣпко прирасти къ истинѣ, что нужно, въ интересахъ истины, щадить эту ложь и неправду,

возмущала и оскорбляла его сильнѣе, чѣмъ что-либо, и этотъ видъ безсознательнаго малодушія или сознательнаго фарисейства онъ преслѣдовалъ во всѣхъ его проявленіяхъ самою безпощадною ироніею. Онъ имѣлъ въ себѣ дерзновеніе вѣры. Оттого и случилось, что люди набожные отъ него открещивались и говорили, что для него нѣтъ ничего святого, въ то время, какъ озадаченные встрѣчею съ нимъ нигилисты говорили: „какъ жаль, что такой человѣкъ погрязъ въ Византійствѣ“

Для людей, безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ, Хомяковъ былъ страненъ и смѣшонъ; для людей, оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ безпокоилъ ихъ; для людей, сознательно и, по-своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возраженіемъ, передъ которымъ они становились втупикъ; наконецъ, для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ былъ своего рода эмансипаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія.

Выше мы говорили о той непроницаемой тучѣ недоразумѣній, которая стоитъ между церковью и вѣрующими или чувствующими потребность вѣрить, и которою образъ ея застилается отъ большинства. Этихъ недоразумѣній много, такъ много, что нѣтъ возможности ихъ перечислить; но мы едва-ли ошибемся сказавъ, что они сводятся къ одному, а именно: къ предположенію мнимой невозможности согласить то, чему учитъ и что предписываетъ церковь, съ живою, законною, прирожденною человѣку потребностью свободы. Мы употребили слово самое неопредѣленное—*свобода*, и не считаемъ нужнымъ опредѣлять его ближе, ибо у него

нѣтъ такого значенія, въ которомъ бы оно не противопоставлялось Церкви. Такія у насъ теперь сложились понятія.

Возьмите свободу гражданскую, въ смыслѣ отсутствія внѣшняго принужденія въ дѣлахъ совѣсти, и вы услышите, что она не совмѣстна съ Церковью. Почему-же такъ думаютъ? А потому, что на практикѣ эта свобода сталкивается съ такими порядками, изъ которыхъ невѣріе выводитъ, что вѣра и фанатизмъ одно и то-же.

Возьмите свободу мысли, самую дорогую, самую святую, самую нужную изъ всѣхъ, и здѣсь вы услышите уже не одинокіе голоса, а цѣлый хоръ, который возвѣститъ вамъ, что вѣра и свобода мысли—два взаимно исключающіяся понятія; что не даромъ *вѣрующій* (croyant) и *свободно-мыслящій* (libre penseur) всегда противопоставляются одинъ другому; что кто дорожитъ свободою своей мысли, тотъ долженъ распроститься съ Церковью, а кто не можетъ обойтись безъ вѣры, тотъ долженъ непремѣнно обрѣзать крылья своей мысли, запереть ее въ клѣтку, наложить на нее запретъ и сдержать прирожденное ей стремленіе къ истинѣ и только къ истинѣ. Почему же однако такъ думаютъ? А потому, что всѣ понятія извратились и сбились; потому, что, благодаря узкости, неточности и устарѣлости той научной опоры, въ которой предлагается ученіе церкви, понятіе *вѣры,* перешло въ понятіе *знанія,* только безотчетнаго, смутнаго, въ себѣ самомъ неоправданнаго, или даже въ понятіе условнаго и какъ-бы вынужденнаго *признанія;* потому еще, что свободное отношеніе къ опознанной и усвоенной *истинѣ* отождествилось въ мнѣніи большинства съ подчиненіемъ *авторитету,* то-есть, такой власти (будь это книга или учрежденіе), которую мы условились принимать *за* истину, и почитать *какъ* правду, хотя мы хорошо

знаемъ и даже оговариваемъ въ своей совѣсти, что это не болѣе какъ фикція, безъ которой впрочемъ не обходится ни одна форма общежитія; потому, наконецъ, что мы перестали даже разумѣть, что одно и тоже слово—*вѣра*—служитъ для обозначенія какъ объекта, то-есть, повѣданной намъ полной и безусловной истины, такъ и субъективной способности или органа ея усвоенія, и что поэтому, кто принимаетъ условно безусловное, тотъ принимаетъ не то, что предлагаетъ Церковь, а нѣчто самодѣльное, свое, и принимаетъ не вѣрою, а мнѣніемъ или убѣжденіемъ. *Я признаю, подчиняюсь, покоряюсь*—стало быть я не *вѣрую*. Церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами, она принимаетъ въ свое лоно только *свободныхъ*. Кто приноситъ ей рабское признаніе, не вѣря въ нее, тотъ не въ Церкви и не отъ Церкви.

Мы далеки отъ притязанія не только разъяснить, но даже раскрыть вѣковыя недоразумѣнія, которыми омрачаются честные умы и смущаются совѣсти не только у насъ, но и вездѣ; мы не вдаемся въ споръ съ невѣріемъ, а хотимъ только намекнуть на свойство этихъ недоразумѣній и освѣжить въ памяти тѣхъ изъ читателей, которые лично знали Хомякова, главныя темы и характеръ его полемическихъ бесѣдъ. Дѣйствіе ихъ кажется можно-бы выразить такимъ образомъ: живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, хоть то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ актъ умственнаго постиженія требуетъ подвига воли; что нѣтъ такой истины научной, которая-бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истиною повѣданною;

что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого-бы рода она ни была, отъ которыхъ-бы мы могли отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ Церкви,—словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе, какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. (Соч. А. С. Хомякова, томъ II, предисл. Ю. Самарина стр. 10—13, 14—19).

Приведенными словами Самарина характеризуется Хомяковъ, какъ членъ церкви. Свой взглядъ на церковь во всемъ глубокомъ и обширномъ разнообразіи различныхъ сторонъ ея жизни Хомяковъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Церковь видимая не есть видимое общество христіанъ, но духъ Божій и благодать таинствъ, живущихъ въ обществѣ. По сему и видимая церковь видима только вѣрующему, ибо для невѣрующаго таинство есть только обрядъ, и церковь—только общество. Вѣрующій хотя глазами тѣла и разума видитъ только церковь въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, но сознаетъ ее духомъ въ таинствахъ и молитвахъ, богоугодныхъ дѣлахъ. Посему онъ не смѣшиваетъ ея съ обществомъ, носящимъ имя христіанъ, ибо не всякій, говорящій: „Господи, Господи“, дѣйствительно принадлежитъ къ роду избранному и сѣмени Авраамова. Вѣрою-же знаетъ истинный христіанинъ, что Единая, Святая, Соборная, Апостольская церковь никогда не исчезнетъ съ лица земли до послѣдняго суда всей твари, что она пребываетъ на землѣ невидимо для глазъ плотскихъ и плотски мудрствующаго ума въ

видимомъ обществѣ христіанъ; точно такъ, какъ она пребываетъ видимою для глазъ вѣры въ церкви загробной, невидимой для глазъ тѣлесныхъ. Вѣрою-же знаетъ христіанинъ и то, что церковь земная хотя и невидима, всегда облечена въ видимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое исказились-бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдѣ отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются Святыя Таинства, гдѣ хранилось и хранится ученіе, гдѣ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати. Святая церковь исповѣдуетъ и вѣруетъ, что никогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря и что церковь никогда не могла ошибиться по неразумію, ибо въ ней живетъ разумъ Божій; ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію, ибо въ ней живетъ сила Духа Божія. (т. II, стр. 12).

Полагая въ основу церковной жизни и церковнаго разумѣнія вѣру, первымъ проявленіемъ христіанской любви Хомяковъ указываетъ молитву. „Такъ же, какъ каждый изъ насъ требуетъ молитвы отъ всѣхъ, такъ и онъ всѣмъ долженъ своими молитвами, живымъ и усопшимъ и даже еще не рожденнымъ; ибо, прося, чтобы міръ пришелъ въ разумъ Божій, (какъ мы просимъ со всею церковью), просимъ не за одни настоящія поколѣнія, но и за тѣ, которыя Богъ еще вызоветъ къ жизни... Мы молимся въ духѣ любви, зная, что никто не спасется иначе, какъ молитвою всей церкви, въ которой живетъ Христосъ, зная и уповая, что покуда не пришло совершеніе временъ, всѣ члены церкви, живые и усопшіе, непрестанно совершенствуются взаимною молитвою. Много выше насъ Святые, прославленные Богомъ; выше-же всего Святая Церковь, вмѣщающая въ себѣ всѣхъ святыхъ и молящаяся за всѣхъ,

какъ видно въ боговдохновенной литургіи. Въ молитвѣ ея слышится и наша молитва, какъ-бы мы ни были недостойны называться сынами Церкви. Если, поклоняясь и славя святыхъ, мы просимъ, дабы прославилъ ихъ Богъ, мы не подпадаемъ обвиненію въ гордости, ибо намъ, получившимъ позволеніе называть Бога Отцомъ, дано также позволеніе молиться: „да святится имя Его, да пріидетъ царствіе Его, и да будетъ воля Его". И если намъ позволено просить Бога, „да прославитъ Онъ имя свое и совершаетъ волю свою", кто намъ запретитъ просить,—да прославитъ онъ своихъ святыхъ и да упокоитъ онъ своихъ избранныхъ? Не говори: „какую молитву удѣлю живому или усопшему, когда моей молитвы достаточно и для меня?" ибо неумѣющій молиться, къ чему молился-бы ты и за себя? Молится-же въ тебѣ духъ любви. Не говори: „суда Божьяго уже измѣнить нельзя"; ибо твоя молитва сама въ путяхъ Божьихъ и Богъ ее предвидѣлъ. Если ты членъ Церкви, то молитва твоя необходима для всѣхъ ея членовъ. Церковь молится за всѣхъ и мы всѣ вмѣстѣ молимся за всѣхъ; но молитва наша должна быть истинною и истиннымъ выраженіемъ любви, а не словеснымъ обрядомъ. (стр. 21, 22).

Единеніе вѣры и любви нашло себѣ прекрасное выраженіе въ церковномъ *единствѣ*. „Со времени своего основанія апостолами,—говоритъ Хомяковъ,—церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извѣстный міръ, связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, никогда не было нарушаемо. Когда возникала ересь, весь христіанскій міръ отряжалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ на торжественное собраніе, называемое *соборами*. Эти соборы, несмотря на безпорядки, а иногда и на насилія, затмевавшія ихъ чистоту, мирнымъ своимъ характеромъ и возвышенностью вопросовъ, подле-

жащихъ ихъ рѣшенію, выдаются въ исторіи человѣчества, какъ благороднѣйшія изъ всѣхъ ея явленій. Вся церковь принимала или отвергала опредѣленія собора, смотря по тому, находила-ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и присваивала названіе соборовъ вселенскихъ тѣмъ изъ нихъ, постановленія которыхъ признавала выраженіемъ своей мысли. Соборъ вселенскій становился голосомъ церкви. (Стр. 47, 48).

Бывали соборы и еретическіе, отвергнутые Церковью; о нихъ Хомяковъ говоритъ слѣдующее: „Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ? Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ*, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едины въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которая есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора“ (Стр. 70).

Человѣкъ находитъ въ Церкви не чуждое что-либо себѣ. Онъ находитъ въ ней самого себя, но себя не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего духовнаго искренняго единенія съ своими братьями, съ своимъ Спасителемъ. Онъ находитъ въ ней себя въ своемъ совершенствѣ, или, точнѣе, находитъ въ ней то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ—божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся, въ грубой нечистотѣ каждаго отдѣльно личнаго существованія.

Это очищеніе совершается непобѣдимою силою взаимной любви христіанъ въ Іисусѣ Христѣ, ибо эта любовь есть духъ Божій. „Но какимъ-же образомъ,—скажутъ намъ,—„могло-бы единеніе христіанъ дать каждому то, чего не имѣетъ никто въ отдѣльности?“ Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую забросилъ ее случай. Кирпичъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменщика. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ церкви, въ Тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь. (Стр. 112).

Та-же глубина взгляда и проникновенность любовью, ведущей къ полному единенію духа и тѣла— всей человѣческой жизни ярко свѣтитъ въ слѣдующихъ его словахъ относительно Евхаристіи.

„Настало время: Сынъ человѣческій возвращается въ Іерусалимъ на крестную смерть. Но прежде смерти пламенно желаетъ онъ вкусить въ послѣдній разъ символическую Пасху съ своими учениками, ибо любитъ ихъ безконечною любовью. Во образъ странствующаго человѣка Моисей установилъ Пасху, которую надлежало вкушать стоя, съ страннической обувью на ногахъ и страническимъ посохомъ въ рукѣ. Странствованіе человѣчества кончено; ученики отлагаютъ свои жезлы, гостепріимный домовладыка, предсѣдящій на вечерѣ, умываетъ имъ ноги, утомленныя и запыленныя въ пути. Да возлягутъ они вокругъ трапезы и отдохнутъ. Вечеря началась. Господь говоритъ имъ о предстоящей ему страсти. Не желая вѣрить, но исполняясь неопредѣленной скорби, они, по обыкновенію человѣковъ, живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуютъ теперь сколь до-

рогъ имъ Тотъ, Кого они должны скоро лишиться. Ихъ человѣческая любовь отзывается въ эту минуту на Его Божественную любовь; и тогда, окончивъ вечерю, Праведный вѣнчаетъ ихъ любовь и Свою предсмертную вечерю учрежденіемъ дѣйствительной Пасхи. Раздѣливъ послѣднюю прощальную чашу, Онъ преломляетъ хлѣбъ и предлагаетъ имъ вино, говоря, что это Его Тѣло и Его Кровь. И церковь, въ смиренной радости принимая новую Пасху, завѣтъ своего Спасителя, не сомнѣвалась никогда въ дѣйствительности этого Имъ установленнаго тѣлеснаго общенія" (Стр. 130).

„Церковь есть,—говоритъ Хомяковъ,—откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любви христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу черезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса. Божественное назначеніе церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личное бытіе: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ черезъ всѣ поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ. Сокровенныя связи, соединяющія земную церковь со всѣмъ человѣчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ, пребывающихъ внѣ видимой церкви, тѣмъ, болѣе, что такое предположеніе противорѣчило-бы Божественному милосердію... Мы твердо знаемъ, что внѣ Христа и безъ любви ко Христу человѣкъ не можетъ быть спасенъ; но въ этомъ случаѣ подразумѣвается не историческое явленіе Христа, какъ повѣдалъ самъ Господь, Христосъ есть не только фактъ, Онъ есть законъ, Онъ--осуществившаяся идея, а потому иной, по опредѣленіямъ Промысла, никогда не слыхавшій о Праведномъ, пострадавшемъ въ Іудеѣ, въ дѣйствительности покланяется существу Спасителя нашего, хотя и не можетъ назвать Его, не можетъ благо-

славлять Его Божественное имя. Не Христа-ли любитъ, тотъ, кто любитъ правду? Не Его-ли ученикъ, самъ того не вѣдая, тотъ, чье сердце отверсто для состраданія и любви? Не единственному-ли Учителю, явившему въ себѣ совершенства любви, самоотверженія, подражаетъ тотъ, кто готовъ жертвовать счастьемъ и жизнью за братьевъ? Кто признаетъ святость нравственнаго закона и, въ смиреніи сердца, признаетъ свое крайнее недостоинство предъ идеаломъ святости,—тотъ не воздвигъ-ли въ душѣ своей алтарь Тому Праведнику, передъ Которымъ преклоняется воинство умовъ небесныхъ? Ему не достаетъ только званія; но онъ любитъ Того, Кого не знаетъ, подобно самарянамъ, которые покланялись Богу, не вѣдая Его. Говоря точнѣе: не Его-ли онъ любитъ, только подъ другимъ именемъ? Ибо правда, состраданіе, сердоболіе, любовь, самоотверженіе, наконецъ, все по истинѣ человѣчное, все великое и прекрасное, все, что достойно почтенія, подражанія, благоговѣнія,—все это не различныя-ли формы одного имени нашего Спасителя? Другіе слышали проповѣдь Его закона, но Онъ былъ представленъ имъ въ ложномъ свѣтѣ и они не могли отдѣлить истины отъ примѣси заблужденій, въ которой она предъ ними являлась, не смогли опознать ея, хотя сами принадлежали этой истинѣ всѣми желаніями и стремленіями" (Стр. 220, 221).

Широта мысли, съ какою разсуждаетъ здѣсь Хомяковъ, и глубочайшая проникновенность въ глубины человѣческой души такъ поразительны, что невольно вспоминаются древнѣйшія изреченія одного изъ первыхъ апологетовъ христіанства, который сказалъ, что душа человѣческая уже по природѣ есть христіанка.

Если сопоставить съ этимъ то, что говоритъ Хомяковъ о нѣкоторыхъ историческихъ явленіяхъ, то его глубокая и неопровержимо правдивая мысль получаетъ

особенное значеніе и для нашего времени: „въ продолженіе многихъ вѣковъ умственнаго развитія,—говоритъ онъ,—Западъ совершилъ великія и славныя дѣла; но нравственною закваскою всѣхъ великихъ его подвиговъ было христіанство, и сила этой благотворной закваски обнаруживала одинаково могущественное дѣйствіе, какъ на людей не вѣрившихъ въ нее и отвергавшихъ ее, такъ и на людей вѣровавшихъ и хвалившихся своею вѣрой, ибо тотъ уже христіанинъ, (по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени), кто любилъ правду и ограждалъ слабаго отъ притѣсненій сильнаго, кто выводилъ лихоимство, пытки и рабство; тотъ уже христіанинъ (по крайней мѣрѣ отчасти), кто заботился о томъ, чтобы, на сколько возможно, усладить трудовую жизнь и облегчить жалкую судьбу удрученныхъ нищетою сословій, которыхъ мы не умѣемъ еще вполнѣ осчастливить. Оттого, несмотря на всѣ ея общественныя язвы и несмотря на шаткость ея вѣрованія, Англія, равно какъ и другія страны современной Европы, болѣе заслуживаетъ названія государства христіанскаго, чѣмъ средневѣковыя королевства съ ихъ лживою и слѣпою, хотя нерѣдко такъ громко прославляемою набожностью. Но не должно себя обманывать: христіанская нравственность не можетъ пережить ученія, служащаго ей источникомъ. Лишенная своего родника, она естественно изсякаетъ. Нравственныя требованія, не оправданныя доктринами, скоро теряютъ свою обязательную силу и превращаются въ глазахъ людей въ выраженія непослѣдовательнаго произвола; правда, привычка еще нѣкоторое время съ ними уживается, но затѣмъ корысть и страсть отбрасываютъ ихъ окончательно“ (Стр. 160).

Всеоблемлющій по своей широтѣ взглядъ Хомякова на значеніе Церкви въ жизни человѣческой связанъ былъ у него съ самымъ строгимъ и безусловно

точнымъ признаніемъ и исповѣданіемъ догматическаго ученія православной Церкви.

Мы не приводимъ выдержекъ, характеризующихъ эту сторону воззрѣній Хомякова, считая, что для современной мысли чрезвычайно важны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Хомяковъ и тѣ настроенія, какими онъ жилъ, ибо догматы всегда остаются неизмѣнными—мѣняются-же люди и ихъ воззрѣнія.

Послѣднія вышеприведенныя слова Хомякова звучатъ предостереженіемъ западной Европѣ, но они больше чѣмъ приложимы къ намъ, къ нашему времени.

Мы стоимъ на переломѣ: наше образованное общество, воспитанное наукой Запада и, еще чаще, усвоившее только ея крайніе выводы, далеко не всегда точные и строго провѣренные, готово совершенно уклониться отъ христіанства и искать разрѣшенія жизненныхъ, личныхъ и общественныхъ вопросовъ внѣ церковной истины.

Результаты такого исканія ярко и во всей своей неприглядной очевидности были у насъ передъ глазами. Только вчера раздавалось громкое и крикливое слово, требовавшее переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Начиналась эта переоцѣнка какъ будто-бы хорошо: человѣколюбіе, уравненіе всѣхъ правъ, защита слабыхъ и угнетенныхъ, охрана трудящихся, обузданіе своекорыстныхъ и себялюбивыхъ, охрана человѣческой свободы—вотъ мѣрила, которыя были выставлены на первый планъ и по которымъ расцѣнивались люди, порядки и жизненный укладъ.

Человѣческія страсти, людская злоба и своекорыстіе, безконечный рядъ историческихъ условій разъединяютъ людей, разбиваютъ человѣчество на отдѣльныя, взаимно враждебныя, группы, каждую группу на тысячи отдѣльныхъ, столь же враждующихъ между собою, ячеекъ. Людямъ нужно единеніе, ибо въ еди-

неніи сила, въ немъ залогъ жизненнаго успѣха, больше того,—въ немъ обязательное условіе всякой вообще жизни. Къ этому единенію мы, въ недавніе памятные дни, съ жаднымъ азартомъ кинулись всѣми своими силами, искали его въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ результатѣ оказались разъединенными еще болѣе, нежели когда-либо. Здѣсь оправдалось глубокое прозрѣніе Хомякова: только въ живомъ организмѣ, имя которому *Церковь*, а основы—истина и любовь, возможно настоящее, всеобъемлющее и для всѣхъ доступное единеніе.

Чистый источникъ человѣческаго единенія—христіанская вѣра—не только былъ забытъ, но подвергся явному и открытому глумленію. Христіанство и христіанская церковь были объявлены историческимъ пережиткомъ, держащимъ людей во мракѣ и заблужденіи, разъединяющимъ ихъ ненужными перегородками.

Однако, тѣ кто требовалъ истины безъ признанія его вѣковѣчнаго источника и хранилища, кто требовалъ любви, во имя классовой ненависти, кто указывалъ на необходимость самопожертвованія, во имя личныхъ интересовъ, — очень быстро, сперва на дѣлѣ, а затѣмъ и въ сознаніи отрѣшились отъ соотвѣтствія между тѣмъ, что они дѣлали и тѣмъ, что хотѣли проповѣдывать. Вѣдь невозможно-же въ самомъ дѣлѣ проповѣдывать человѣколюбіе во имя ненависти, самопожертвованіе—ради эгоизма, истину—во имя сомнѣнія и свободу—во имя рабства.

Осталось одно—предоставить каждому полную и неограниченную свободу думать, чувствовать и дѣйствовать такъ, какъ подсказываетъ ему его личная мысль, его случайное настроеніе.

Это называется анархіей. Эту анархію мысли и воли мы видѣли и въ области человѣческаго сознанія, и въ области человѣческой дѣятельности; ви-

дѣли ее, къ счастію, короткое время, но достаточно поучительное своими ужасами, чтобы мы могли не забыть его чрезвычайно долго.

Но здоровыя силы человѣческаго духа, здоровое сознаніе нашей русской мысли съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе справляется съ нахлынувшей на него мутной волной, все дальше отбрасываетъ отъ себя тяжелый осадокъ, оставленный промчавшейся бурей.

Съ каждымъ днемъ все сильнѣе сказывается исканіе глубокой вѣры, чистой истины, всеобъемлющей любви и полнаго единенія всѣхъ.

Мы привели драгоцѣнныя мысли Хомякова, указывающія путь этого единенія, пламенно убѣждающія идти только этимъ путемъ, зовущія обратиться къ Церкви, какъ къ единому источнику и вѣчному хранилищу вѣры и истины.

Теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, въ словахъ Хомякова, одного изъ лучшихъ русскихъ людей, чье имя и нравственный образъ не носятъ на себѣ ни единаго пятнышка—его слова, сказанныя съ глубокимъ убѣжденіемъ и представляющія плодъ огромной работы мысли и неизмѣримаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ—они имѣютъ для насъ значеніе неопровержимаго свидѣтельства, они властно убѣждаютъ подчинить имъ свою мысль и волю.

Это подчиненіе не будетъ рабствомъ, не будетъ слѣпымъ подражаніемъ: мысль Хомякова такъ широка, проникновенность его во всѣ стороны человѣческой жизни, пониманіе всѣхъ отношеній такъ глубоки, что онѣ именно нужны теперь, когда человѣческая мысль, болѣзненно съуживается и втискивается въ рамки научной теоріи или предвзятой политической формулы, а человѣческому духу становится тѣсно, и онъ безысходно тоскуетъ.

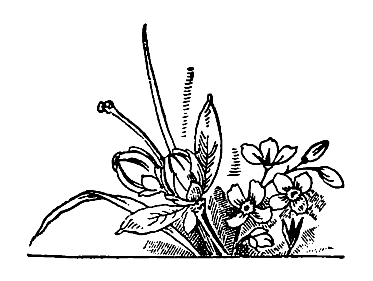
Тамъ, гдѣ есть настоящая, истинная, полная сво-

бода, нѣтъ бунта, нѣтъ разрушенія, нѣтъ ужаса и скорби. Ихъ царство наступаетъ тамъ, гдѣ властвуютъ ложь и заблужденіе, гдѣ они защищаютъ себя ложью же или, еще хуже, насиліемъ, гдѣ, вмѣсто прямого и яснаго пути, устанавливается безконечное блужданіе по кривымъ тропамъ сбитой съ толку мысли и потерявшей твердыя основы человѣческой воли.

Хомяковъ въ своей жизни шелъ путемъ прямымъ и яснымъ; въ своемъ душевномъ настроеніи онъ представлялъ образецъ поразительной гармоніи и того драгоцѣннаго равновѣсія всѣхъ духовныхъ силъ, которое дается только людямъ, впитавшимъ въ себя все благодатное вліяніе христіанства.

Такова его мысль; таковъ тонъ и духъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдство его сочиненій, и мы зовемъ къ нимъ, къ этому свѣтлому и чистому источнику всѣхъ, чья мысль устала, а душа безконечно тоскуетъ среди современнаго разброда.

І. Никаноровъ.

Ростъ добра.

Что есть царствіе Божіе... и чему уподоблю его?.. (Отъ Марка).

И не скажутъ: оно здѣсь или оно тамъ... се-бо Царствіе Божіе внутрь васъ есть... (Отъ Луки).

1.

Когда иные ко Христу
На срокъ недолгій приходили
И на ученій высоту
Истолкованія просили,—

2.

Онъ говорилъ: „въ земномъ пути
Вашъ мелкій умъ, опутанъ ложью,
Разгадки не умѣлъ найти...
Какъ изъясню вамъ тайну Божью?

3.

Какъ поведу о горнихъ рѣчь?
Земному-ль уподоблю небо?
Но слушай! Женщина испечь
Намѣрилась, подъ праздникъ, хлѣба,

4.

И въ тѣсно прѣсное, съ мукой
Щепоть закваски замѣсила,
И вскисло все... Не въ умъ людской
Влагаетъ дрожжи Божья сила;

5.

Нѣтъ! Въ сердцѣ зрѣетъ Благодать;
Младенцамъ Богъ являетъ милость;
Дано простѣйшимъ разгадать,
Что и мудрѣйшимъ не открылось...

6.

Смотри! Горчичное зерно
Не велико,—чуть оку зрится;
Но въ землю вложено оно,—
И, прозябая, коренится.

7.

И возрастаетъ, что ни день,
Богато стеблемъ и вѣтвями,
И вотъ, равняясь съ деревами,
Даруетъ птицамъ кровъ и тѣнь...

8.

О, люди! Такъ и сердце ваше,
Стряхая иго суеты,
Становится чистей и краше
И достигаетъ высоты;

9.

Такъ духъ живой и духъ смиренный,
Носитель дѣлъ и думъ благихъ,
Бываетъ пользой несравненной
И для себя, и для дрыгихъ;

10.

Такъ въ жизни міра мощно дышетъ
И свято правитъ Божій Духъ...
Да видитъ правду и да слышитъ
Кто не ослѣпъ и кто не глухъ!—

Федоръ Аксаковъ.

Сынъ вѣка.

Гдѣ мудрецъ? Гдѣ книжникъ? совопросникъ вѣка сего?.. (Исаія, 33, 18).

1.

Лицомъ къ Востоку обратясь,
Онъ Вышнему Отцу молился,
И тѣломъ изнемогъ, молясь,
И къ ложу отдыха склонился,
И пламя ночника задулъ;
И вѣтръ отъ входа потянулъ,
И дверь безшумно отворилась,
И тѣнь людская появилась,
И въ блескѣ мѣсяца предъ Нимъ
Какъ образъ сонный, зримъ воочью,
Какъ призракъ стала: Никодимъ!
Зачѣмъ пришелъ? Что ищешь ночью?...

2.

Безмолвенъ, крылъ повоемъ взоръ
Нежданный гость, какъ бы робѣя;
Одежда и главы уборъ
Изобличали Фарисея;
Могучъ и прямъ былъ мужа станъ;
Породу и высокій санъ
Всѣ признаки являли сразу
И менѣ видящему глазу...

То былъ одинъ изъ сильныхъ тѣхъ
Вождей, слывущихъ мудрецами,
Чей гласно, порицалъ Онъ грѣхъ,
Кого за косность звалъ слѣпцами...

3.

— Равви! Пришлецъ заговорилъ,—
Ты міру знаменья явилъ,
Какихъ не видано доселѣ,
О чемъ и думать мы не смѣли;
Да, Ты отъ Бога,—Ты пророкъ!
Разумно вѣровать призванью
Того, кто силой столь высокъ;
Даруй-же крѣпость упованью,—
Открой уста! Яви глаголъ!
Не съ лестью ночью я пришелъ,
Не какъ единый отъ злодѣевъ,
Но опасаясь Іудеевъ...

4.

— Напрасно,—былъ отвѣтъ Христа,
Искать невѣдомыхъ стремишься,
Другъ! Истина ясна, проста;
Повѣрь добру и убѣдишься!
Не всѣ-ли слушаютъ Меня
И видятъ въявь при блескѣ дня,—
Не всѣмъ-ли, чуждый укоризнѣ,
Дарю глаголы вѣчной жизни?
Рѣчь немудреную Мою,—
Когда Я въ притчахъ говорю,—
Легко понять кому довлѣетъ,
Кто не ослѣпъ и слухъ имѣетъ...

5.

— Равви! Внималъ Тебѣ и я,
Тѣснимъ докучливой толпою;
Тому-ль дивиться, что Твоя
Бываетъ проповѣдь скупою?

Невѣжда въ словѣ сей народъ;—
Затѣмъ и рѣчь Твоя даетъ,—
О чемъ-бы люди ни просили
По разумѣнью ихъ и силѣ;
Какъ ночь понятья ихъ темны;
Но не таковъ Писанья чтитель,
Кому доступны глубины;
И такъ, довѣрься мнѣ, Учитель!...

6.

— Мудрецъ!—Христосъ ему въ отвѣтъ,—
Смирись! Инаго средства нѣтъ:
Кто къ новой жизни не родится,—
Не можетъ Истиной креститься.
— Равви! Могу-ль Тебя понять?
Къ чему туманомъ кроешь слово?
Въ утробу-ль матери опять
Войти мнѣ, чтобъ родиться снова?
Кто изъ живущихъ, кто досель
Могъ умирать и вновь рождаться,
Ложиться взрослымъ въ колыбель
И пищею грудныхъ питаться?...

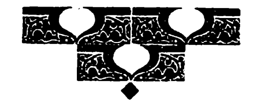
7.

И вскрылась злая темнота,
Гордыней ветхою хранима,
Для слуха Господа—Христа
Въ сопротивленьи Никодима:
— Прозри, слѣпецъ!—сказалъ Господь,—
Отъ плоти происходитъ плоть;
Земнымъ наслѣдуетъ земное:
Но Вышній Духъ творитъ иное:
Свобода—Вѣщему законъ;
Не въ разумѣ витаетъ онъ,
Но въ чуткой глубинѣ сердечной
Зоветъ хотящихъ къ жизни вѣчной.

8.

Стряхни-жъ дремоту, Никодимъ,—
Воспрянь,—приникни къ правдѣ слухомъ.
Да будешь избраннымъ моимъ,
Окрещеннымъ водой и духомъ!—
Чтобъ новой жизнью вѣчно жить!..
—Никакъ, никакъ. Не можетъ быть:
То—смерть ума; то—бредъ опасный...
А Іисусъ:—увы, несчастный!
Ты-ль чадъ Израиля оплотъ,
Что до глубинъ и до высотъ
Скрижаль Писанья изучаешь?
Основъ духовныхъ не вмѣщаешь?...

Федоръ Аксаковъ.

О задачахъ Братства Святителей Московскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа.

(Рѣчь Ѳ. Д. Самарина въ Общемъ Собраніи Братства 27 декабря 1909 г.).

Сегодня на первомъ общемъ собраніи открываемаго нами Братства представляется полезнымъ обмѣняться мнѣніями о нашемъ начинаніи, чтобы установить, что мы всѣ согласно понимаемъ цѣль Братства и чтобы выяснить въ общихъ чертахъ, посредствомъ совмѣстнаго обсужденія, какими путями мы думаемъ идти къ намѣченной нами цѣли. Это тѣмъ болѣе необходимо, что наше Братство не можетъ быть подведено подъ какой-либо изъ типовъ существующихъ обществъ, оно не можетъ быть названо благотворительнымъ обществомъ, хотя задачи благотворительности ему не чужды, его нельзя причислить также и къ разряду просвѣтительныхъ обществъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, хотя и духовно-просвѣтительная дѣятельность входитъ въ число его задачъ. Братство наше является учрежденіемъ sui generis и преслѣдуетъ свою особую цѣль. Въ чемъ же заключается цѣль?

Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ я и постараюсь теперь дать, но считаю долгомъ заявить, что я буду говорить лично отъ себя, а не отъ имени какой-

либо группы членовъ Братства. По приглашенію В. К. Истомина, которому всецѣло принадлежитъ мысль о созданіи Братства, я участвовалъ въ выработкѣ устава Братства, но, несмотря на это, говорить отъ имени составителей этого устава считаю себя, конечно, не въ правѣ. Буду очень счастливъ, если мысли, которыя я выскажу, совпадутъ съ ихъ взглядами на дѣло, въ противномъ случаѣ они не откажутся, я надѣюсь, поправить меня и выяснить собранію соображенія, которыми они руководились въ своей работѣ.

„Братство" читаемъ въ статьѣ 1-й устава „имѣетъ цѣлью укрѣпленіе православной вѣры и церковной жизни" Причины, по которымъ у насъ приходится теперь думать объ укрѣпленіи вѣры и церковной жизни, всѣмъ хорошо извѣстны. Что вѣра у насъ падаетъ, что церковная жизнь приходитъ въ разстройство—все это представляется, повидимому, совершенно безспорнымъ, и утверждать это—значитъ говорить чуть-ли не общія мѣста. Можно расходиться въ оцѣнкѣ этого явленія, но наличность его нельзя не признать. Гораздо труднѣе придти къ соглашенію относительно причинъ кризиса, черезъ который проходитъ наша религіозная и церковная жизнь; еще болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ, что намъ надлежитъ дѣлать для излѣченія его тяжелаго нравственнаго недуга, грозящаго привести насъ къ полному духовному разложенію, и въ особенности—съ чего начать борьбу, что выдвинуть на первый планъ и въ какой послѣдовательности вести дѣло. Въ общей своей формѣ эти вопросы, конечно, совершенно выходятъ изъ рамокъ нашей сегодняшней бесѣды, но въ примѣненіи къ Братству мы можемъ и, по мѣрѣ силъ, должны дать на нихъ отвѣтъ...

Намъ не придется при этомъ пускаться въ необъятное поле общихъ соображеній и углубляться въ

изслѣдованіе коренныхъ причинъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, съ которыми мы думаемъ бороться. Задача наша упрощается, такъ какъ уставъ нашъ, не ограничиваясь вышепреведеннымъ общимъ указаніемъ относительно цѣли Братства, опредѣленно устанавливаетъ то основное начало, которымъ Братство должно руководствоваться въ своей дѣятельности. „Живое общеніе епископа, клира и мірянъ“,—вотъ что кладется уставомъ во главу угла, вотъ принципъ, которымъ долженъ опредѣляться характеръ всѣхъ начинаній Братства. Этимъ уже дается нѣкоторое общее указаніе относительно того, какъ слѣдуетъ понимать основную цѣль Братства и въ какомъ направленіи Братство предполагаетъ дѣйствовать для достиженія этой цѣли. Но уставъ не довольствуется провозглашеніемъ вышеозначеннаго руководящаго начала. Онъ опредѣляетъ совершенно точно тѣ стороны церковной жизни, въ которыхъ принципъ живого общенія епископа, клира и мірянъ не осуществляется у насъ въ настоящее время съ надлежащею полнотою и не проводится съ должною послѣдовательностью. Въ этомъ отношеніи уставъ указываетъ:

а) на способъ совершенія богослуженія;

б) на отношеніе церковныхъ учрежденій къ благотворительности;

в) на способъ разработки вопросовъ церковно-общественной жизни;

г) на духовно-просвѣтительную дѣятельность церкви.

Такимъ образомъ, уставомъ не только указана основная цѣль Братства, но намѣчены и ближайшія задачи, которыя подлежатъ его разрѣшенію. Но составители устава стремились къ возможно большей краткости, и потому мысль ихъ выражена, можетъ быть, слишкомъ сжато. Представляется полезнымъ раскрыть

ее и, по возможности, указать, въ какой связи находятся отдѣльныя задачи, которыя ставятся Братству, съ главной его цѣлью и съ основнымъ началомъ, которымъ оно должно руководиться.

II.

Церковная жизнь проявляется у насъ теперь, главнымъ образомъ, въ богослуженіи. Другія формы церковнаго общенія и церковной дѣятельности, конечно, не совсѣмъ у насъ исчезли, но онѣ настолько ослабли и заглохли, что для громаднаго большинства членовъ нашей церкви онѣ какъ бы не существуютъ.

Несмотря на то значеніе, которое получило у насъ, такимъ образомъ, богослуженіе, оно совершается далеко не всегда и не всюду такъ, чтобы оно могло производить должное дѣйствіе на лицъ, стоящихъ въ храмѣ, а именно, чтобы въ нихъ возбуждалось и поддерживалось молитвенное настроеніе. Я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ не сокращенія въ томъ, что читается и поется и не отступленія отъ устава, которыя у насъ не рѣдко допускаются. И то, и другое мнѣ представляется не неизбѣжнымъ. Наши богослужебныя книги являются драгоцѣнною сокровищницею, изъ которой можно черпать по мѣрѣ надобности и сообразно условіямъ мѣста и времени; но едва-ли есть основаніе требовать, чтобы всѣ, содержащіяся въ этихъ книгахъ, пѣснопѣнія и молитвословія исполнились повсемѣстно и всегда цѣликомъ. Такое требованіе было-бы фактически неосуществимо, ибо оно не считалось-бы ни съ особенностями каждой приходской общины, ни съ личнымъ составомъ исполнителей. Точно такъ же и уставъ церковный долженъ, конечно, служить нормою для священнослужителей, но было бы большою ошибкою настаивать на томъ, чтобы его правила примѣнялись механически, безъ всякаго вниманія къ измѣ-

няющимся по времени и мѣсту условіямъ жизни. Отступленія отъ устава и нововведенія бываютъ иногда необходимы для пользы дѣла. Такъ, еще сравнительно недавно, въ московскихъ церквахъ зимою не служили всенощныхъ подъ воскресные и праздничные дни; теперь обратный обычай чрезвычайно распространился и сдѣлался почти общимъ правиломъ и нельзя не признать, что это—нововведеніе чрезвычайно полезное и что отступленіе отъ устава въ данномъ случаѣ вполнѣ оправдывается измѣнившимися условіями жизни городского населенія. Словомъ, суть дѣла вовсе не въ томъ, чтобы пѣть и читать безъ пропусковъ, что положено, и непремѣнно въ тѣ часы и въ томъ порядкѣ, какъ установлено. Пусть служба будетъ нѣсколько сокращенная, пусть допускаются извѣстныя особенности и отступленія отъ устава, лишь-бы только все совершалось съ должнымъ благочиніемъ и вниманіемъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ этомъ отношеніи, у насъ далеко не все обстоитъ благополучно.

Надо-ли распространяться о томъ, что чтеніе въ нашихъ церквахъ часто бываетъ далеко неудовлетворительно! Даже тамъ, гдѣ личный составъ клира не малъ по численности своей и гдѣ священно и церковнослужители не особенно обременены службой, чтеніе въ церкви часто бываетъ невразумительно. Чтецы здѣсь заботятся нерѣдко только о томъ, чтобы показать силу и звучность своего голоса и нисколько не стараются читать внятно и со смысломъ. Они начинаютъ читать такимъ тихимъ голосомъ и на такихъ низкихъ нотахъ, что почти ничего не слышно, особенно, если церковь обширна и чтецъ обладаетъ густымъ басомъ; постепенно усиливая голосъ, они подъ конецъ доходятъ до крайняго его напряженія и до такихъ нотъ, которыя совершенно недопускаемы въ церкви. При этомъ не соблюдается къ тому же никакого соотвѣтствія между

повышеніемъ и пониженіемъ голоса, съ одной стороны, и содержаніемъ того, что читается—съ другой. Такъ поставлено дѣло во многихъ соборахъ и въ нѣкоторыхъ богатыхъ приходахъ; что-же касается большинства приходскихъ церквей, то тамъ замѣчается другой, не менѣе важный недостатокъ,—слищкомъ большая поспѣшность чтенія, а потому полная его невразумительность. Повторяя изо дня въ день одно и то же, чтецы совершенно утрачиваютъ способность относиться къ своему дѣлу съ должнымъ вниманіемъ, а иногда у нихъ даже такъ „перебивается языкъ“, что они совершенно не въ состояніи отчетливо выговаривать отдѣльныя слова читаемаго ими текста. Кое-гдѣ доходитъ до того, что трудно бываетъ узнать въ чтеніи даже самые извѣстные священные тексты. Конечно, всѣ эти недостатки, особеннно въ ихъ крайнихъ формахъ, не составляютъ общаго значенія и, наряду съ плохими чтецами, можно указать немало и хорошихъ. При всемъ этомъ, однако самая возможность тѣхъ прискорбныхъ явленій, о коихъ сейчасъ была рѣчь, свидѣтельствуетъ о настоятельной необходимости принять рѣшительныя мѣры для болѣе правильной постановки церковнаго чтенія.

Говоря все это, я не хочу никого осуждать. Я хорошо понимаю, что многіе изъ указанныхъ мною недостатковъ зависятъ не столько отъ самихъ чтецовъ, сколько отъ условій, въ которыя они поставлены. Когда за всѣми службами все читаетъ одинъ псаломщикъ, безъ перемѣны и отдыха, то къ нему нельзя предъявлять особенно строгихъ требованій: онъ физически не можетъ исполнять свою обязанность какъ слѣдуетъ, особенно въ праздничные дни и во время великаго поста, когда богослуженія очень продолжительны и когда въ нихъ преобладаетъ чтеніе. Далѣе, нѣкоторые отмѣченные выше недостатки объясняются дур-

нымъ вкусомъ, господствующимъ среди многихъ, такъ называемыхъ „любителей“ церковныхъ службъ; они оцѣниваютъ чтеніе лишь какъ извѣстнаго рода голосовое упражненіе и предъявляютъ къ священно—и церковно-служителямъ соотвѣтствующія требованія. Наконецъ, указывая на поспѣшность и невнимательность въ совершеніи церковныхъ службъ, мы должны помнить, что и наша собственная, *частная молитва*, къ прискорбію, далеко не всегда бываетъ свободна отъ этихъ недостатковъ.

Если, несмотря на это, я позволю себѣ все-таки остановить вниманіе ваше на неудовлетворительной постановкѣ у насъ церковнаго чтенія, то, повторяю, вовсе не съ тѣмъ, чтобы возложить за это вину на отдѣльныя лица. Мы къ этому вовсе не призваны. Но мнѣ казалось необходимымъ выяснить тѣ общія условія, отъ которыхъ въ значительной степени зависятъ отмѣченныя мною прискорбныя явленія. Работать надъ устраненіемъ этихъ неблагопріятныхъ явленій составляетъ обязанность нашего Братства. Если въ дѣлѣ частной молитвы каждый отвѣчаетъ за себя, то въ дѣлѣ молитвы обще-церковной, отвѣтственность несутъ всѣ другъ за друга, и потому никто не въ правѣ молчать, когда видятъ, что церковная служба совершается не надлежащимъ образомъ.

Немногимъ лучше поставлено у насъ и церковное пѣніе. Въ богатыхъ приходахъ поютъ профессіональные пѣвчіе, по крайней мѣрѣ по праздникамъ, но это требуетъ большихъ расходовъ, а результаты получаются въ большинствѣ случаевъ все-таки неудовлетворительные. Какъ извѣстно, пѣвческіе хоры у насъ организованы большею частью довольно плохо: среди пѣвчихъ мало людей съ хорошими голосами, а изъ регентовъ лишь очень немногіе обладаютъ достаточнымъ музыкальнымъ образованіемъ, хорошо развитымъ художествен-

нымъ вкусомъ и отчетливымъ пониманіемъ нашего церковнаго пѣнія. Въ большинствѣ случаевъ пѣвчіе не умѣютъ выбрать подходящихъ музыкальныхъ произведеній и плохо ихъ исполняютъ. Они стараются, обыкновенно, лишь привлечь вниманіе крикливымъ исполненіемъ разныхъ вычурныхъ композицій, часто совершенно не церковныхъ по духу. Такое пѣніе сплошь да рядомъ не только не способствуетъ молитвенному настроенію, но даже развлекаетъ вниманіе молящихся и обращаетъ церковную службу въ какой-то концертъ дурного вкуса и съ плохими исполнителями. Гдѣ у церкви нѣтъ средствъ, чтобы нанимать пѣвчихъ, тамъ поютъ два псаломщика, часто лишенные музыкальнаго слуха, не обладающіе голосомъ, плохо знающіе церковные напѣвы и почти всегда утомленные, вслѣдствіе частаго и однообразнаго повторенія однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній. Такъ поставлено дѣло въ Москвѣ; въ сельскихъ церквахъ бываетъ и хуже. Тамъ нерѣдко читаетъ и поетъ одинъ псаломщикъ. Легко представить себѣ, во что обращается при такихъ условіяхъ церковная служба. Надо-ли говорить о томъ, какъ важно для церковной жизни, чтобы богослуженіе совершалось какъ слѣдуетъ? Если читаютъ въ церкви невнятно и поютъ плохо, то требуется нѣкоторое усиліе надъ собою, чтобы выстоять церковную службу и поддержать въ себѣ молитвенное настроеніе. Естественно, что это иныхъ отталкиваетъ отъ церковнаго богослуженія и многихъ, даже искренно стремящихся поддержать общеніе съ церковью, расхолаживаетъ. Можетъ быть, упадокъ вѣры и церковной жизни не выражается ни въ чемъ такъ наглядно и для всѣхъ очевидно, какъ въ невнимательномъ совершеніи богослуженія. Поэтому забота объ устраненіи описанныхъ выше неблагопріятныхъ явленій должна естественно составить одну изъ первыхъ задачъ Братства, которое ставитъ себѣ

цѣлью работать надъ укрѣпленіемъ вѣры и церковной жизни.

Еще важнѣе другая сторона этого дѣла. По смыслу нашего богослуженія въ немъ должно проявляться непрестанное тѣснѣйшее взаимодѣйствіе клира и мірянъ, и въ этомъ нельзя не видѣть драгоцѣннѣйшей отличительной черты преданныхъ намъ издревле священнодѣйствій и обрядовъ. Священнослужитель въ своихъ возгласахъ выражаетъ единолично мысли и чувства, одушевляющія народъ, который хоромъ вторитъ своему пастырю и по его призыву поетъ священныя пѣснопѣнія. Здѣсь одинъ говоритъ за всѣхъ и отъ имени всѣхъ; но его слова немедленно находятъ откликъ у всѣхъ и они торжественно во всеуслышаніе подтверждаютъ свое согласіе съ нимъ. Возьмите наши богослужебныя книги, вспомните чинъ совершенія самыхъ обычныхъ службъ церковныхъ, особенно литургіи, и вы найдете много примѣровъ такого взаимодѣйствія. Такъ, священникъ благословляетъ имя Божіе, а народъ присоединяется къ нему своимъ отвѣтнымъ—Аминь; священникъ призываетъ миръ на всѣхъ предстоящихъ, и ему отвѣчаютъ тѣмъ же молитвеннымъ пожеланіемъ по отношенію къ нему; діаконъ, приглашая вѣрующихъ молиться, напоминаетъ имъ, о комъ и о чемъ они должны молиться, а они отвѣчаютъ ему соотвѣтственными восклицаніями: Господи помилуй, подай Господи, Тебѣ Господи. Особенно сильно и ярко проявляется эта совмѣстная молитва въ торжественныя минуты евхаристическаго тайнодѣйствія. Здѣсь возгласы священнослужителя и отвѣтное пѣніе народа, чередуясь между собою, составляютъ одно неразрывное цѣлое даже по связи рѣчи. Такъ священникъ возглашаетъ: побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще,— ему отвѣчаютъ самымъ содержаніемъ этой пѣсни; Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся, а на-

родъ продолжаетъ: Тебѣ поемъ, Тебѣ благословимъ и т. д. Такимъ образомъ, міряне непосредственно участвуютъ въ совершеніи самаго таинства. Возглашая аминь, они какъ бы произносятъ вмѣстѣ съ священникомъ евхаристическія слова и затѣмъ, слѣдуя призыву священника, они своимъ славословіемъ завершаютъ все священнодѣйствіе.

Эта отличительная черта древне-церковнаго богослуженія, сохранившаяся до нѣкоторой степени и въ обрядахъ западныхъ христіанскихъ исповѣданій, совершенно отчетливо запечатлѣлась въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, которыя свидѣтельствуютъ, что на возгласы священнослужителей отвѣчалъ весь народъ. Такъ, несомнѣнно, и было первоначально. Съ теченіемъ времени, однако, появились въ церквахъ профессіональные пѣвцы и на нихъ была возложена обязанность выступать вмѣсто народа. Чѣмъ была вызвана такая перемѣна, объ этомъ здѣсь не мѣсто и не время распространяться. Но необходимо отмѣтить, что принципъ остался неприкосновеннымъ; народъ не лишенъ права участвовать въ богослуженіи и профессіональные пѣвцы призваны только въ силу практическихъ соображеній. При всемъ томъ, однако, нельзя отрицать, что фактически участіе народа въ богослуженіи у насъ теперь сводится почти на нѣтъ. Псаломщиковъ, конечно, нельзя не отнести къ составу причта; пѣвчіе же, хоть и міряне, но въ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ къ числу мѣстныхъ прихожанъ. Если даже поетъ хоръ „любителей“ изъ прихожанъ, то все же это лишь небольшая группа лицъ, выдѣлившаяся изъ состава прихожанъ и взявшая на себя обязанность пѣть за нихъ и для нихъ. Такъ или иначе, но вся масса народа стоитъ въ церкви молча и только присутствуетъ при совершеніи богослуженія.

Надо-ли доказывать, что это ненормально? Сама

церковь молитъ Бога, чтобъ Онъ далъ намъ прославлять Его не только единымъ сердцемъ, но и едиными устами. Чѣмъ глубже и сильнѣе единеніе мысли и чувства, тѣмъ настойчивѣе оно должно искать себѣ внѣшняго проявленія; отдѣльное лицо, охваченное общимъ съ другими людьми порывомъ, естественно чувствуетъ потребность громко заявить о своемъ согласіи съ ними слиться съ ними въ общемъ хорѣ. Съ другой стороны, отдѣльныя лица, участвуя въ общемъ пѣніи, перестаютъ чувствовать себя одинокими, ихъ заражаетъ общій подъемъ духа, они начинаютъ сознавать себя дѣятельными участниками священнодѣйствія, а не просто его зрителями и слушателями. Наконецъ, отвѣчая лично на возгласы священнослужителей, чередуясь съ ними въ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ, міряне естественно сближаются съ клиромъ и живо чувствуютъ свою тѣснѣйшую внутреннюю связь съ предстоятелями церкви. Поэтому, для укрѣпленія вѣры и церковной жизни, для установленія живого общенія между епископомъ, клиромъ и мірянами, представляется существенно важнымъ привлечь мірянъ къ участію въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Способствуя этому по мѣрѣ силъ, наше Братство будетъ тѣмъ самымъ дѣйствовать въ духѣ того основнаго начала, которымъ оно призвано руководствоваться.

III.

Но какъ ни велико значеніе молитвы, церковная жизнь не можетъ и не должна проявляться только въ богослуженіи. Молитва какъ частная, такъ и общественная, должна быть неразрывно связана съ дѣломъ ей соотвѣтствующимъ. Такъ и было въ старину. Въ первенствующей церкви вѣрующіе, собравшись на общую молитву, пользовались этимъ для оказанія на общій счетъ помощи неимущимъ братьямъ; пожертвованія собирались церковными должностными лицами и на нихъ

же возлагалось распредѣленіе пособій между нуждающимися. За покрытіемъ расходовъ по устройству молитвенныхъ собраній церковныя средства обращались, главнымъ образомъ, на дѣла благотворенія, и потому естественно, что на церковныя деньги въ старину смотрѣли, какъ на „деньги нищихъ“

Съ теченіемъ времени, однако, все это мало-помалу измѣнилось. Стали возрастать расходы по устройству и содержанію храмовъ; пришлось изыскивать средства къ обезпеченію существованія духовенства; явилась надобность въ устройствѣ учебно-воспитательныхъ учрежденій для подготовленія пастырей; потребовались деньги на содержаніе церковнаго управленія. На все это приходилось расходовать церковныя суммы, и потому естественно, что благотворительная дѣятельность церковныхъ установленій стала все болѣе отодвигаться на задній планъ, и въ настоящее время она, если не прекратилась совсѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко отстала отъ потребности, изъ года въ годъ возрастающей, и носитъ нѣсколько случайный характеръ. Если являются пожертвованія со специальнымъ назначеніемъ, то при церквахъ возникаютъ богадѣльни, пріюты и т. п.; но при обычныхъ условіяхъ изъ церковныхъ средствъ не удѣляется опредѣленныхъ суммъ на благотворительность. Что же касается приходскихъ попечительствъ и братствъ, которыя стали возникать за послѣднія сорокъ лѣтъ, то эти учрежденія не имѣютъ строго церковнаго характера. Это своего рода благотворительныя общества, состоящія при церквахъ и дѣйствующія въ предѣлахъ прихода; церковная же организація прихода ими ничуть не затронута, она продолжаетъ существовать на прежнихъ основаніяхъ, удѣляя по прежнему на дѣло благотворительности слишкомъ мало средствъ и не обращая на него должнаго вниманія.

Ненормальность такого порядка сама собою очевидна. Церковная организація не можетъ замыкаться въ заботы о храмѣ и причтѣ, предоставляя попеченіе о неимущихъ государственымъ и общественнымъ учрежденіямъ или, въ лучшемъ случаѣ, создавая съ этою цѣлью при приходахъ какія-то спеціальныя, обособленныя отъ церкви установленія. Церковь должна взять дѣло помощи неимущимъ въ свои руки. Само собою разумѣется, что такая постановка дѣла требуетъ нѣкоторыхъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты только церковною властью; но это не значитъ, что частныя лица, а въ особенности общества безсильны что-либо сдѣлать въ этомъ направленіи. Мѣрамъ административнымъ и законодательнымъ здѣсь должна предшествовать подготовка надлежащей почвы. Необходимо воздѣйствовать на общественное сознаніе и на понятія, укоренившіяся среди лицъ, коимъ ввѣряется теперь завѣдываніе церковнымъ хозяйствомъ. Надо настойчиво указывать на неправильность установившагося у насъ порядка, надо распространять убѣжденіе, что благотворительная дѣятельность составляетъ существенную часть обязанностей церковныхъ учрежденій, а вовсе не своего рода opus super erogationis. Далѣе слѣдуетъ привлекать средства для помощи бѣднымъ въ распоряженіе церковныхъ учрежденій, организовать содѣйствіе бѣднымъ прихожанамъ (по оказанію помощи нуждающимся прихожанамъ) со стороны богатыхъ, упорядочить, по возможности, раздачу милостыни при церквахъ, наконецъ, пріучать самихъ нуждающихся обращаться за помощью прежде всего въ церковь.

Все это естественно должно составить одну изъ главныхъ задачъ нашего Братства. Работая въ этомъ направленіи, оно, несомнѣнно, будетъ идти прямымъ путемъ къ достиженію своей основной цѣли, ибо упа-

докъ благотворительной дѣятельности церковныхъ учрежденій, конечно, не мало способствовалъ ослабленію духовной связи между нѣкоторыми слоями нашего общества и церковью. Дѣло благотворительности получило у насъ теперь несвойственный ему, чисто свѣтскій характеръ, и благотворительныя учрежденія, стоящія внѣ церкви, привлекаютъ къ себѣ работниковъ даже изъ числа лицъ, преданныхъ церкви. Если бы дѣло это было поставлено иначе, то оно могло бы, напротивъ, привлечь къ церкви многихъ лицъ, теперь къ ней равнодушныхъ, и способствовало бы укрѣпленію церковной жизни. Сближая богатыхъ съ бѣдными, устанавливая между ними постоянное дѣятельное общеніе, основанное на сознаніи глубокой связи между ними, какъ членами одного духовнаго союза, церковь внесла бы высокій нравственный элементъ въ дѣла помощи неимущимъ и проявила бы дѣятельную силу любви, которая привлекла бы къ ней сердца всѣхъ колеблющихся и отпавшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помощь неимущимъ сплотила бы въ одно неразрывное цѣлое мірянъ съ пастырями, отвѣтственными руководителями ихъ во всякомъ христіанскомъ дѣлѣ.

IV

Молитва и помощь бѣднымъ—два главныхъ проявленія церковной жизни въ предѣлахъ прихода. Поэтому, содѣйствуя церковной власти въ ея заботахъ о богослуженіи, привлекая мірянъ къ участію въ цер-

---

*) Рѣчь эта возстановлена на основаніи конспекта, приблизительно въ томъ видѣ, какъ она была произнесена; но, конечно, печатный текстъ ея не можетъ совершенно совпадать съ тѣмъ что было сказано. Независимо отъ отъ неизбѣжныхъ различій въ выраженіяхъ, нѣкоторыя соображенія, нашедшія себѣ мѣсто въ печатномъ текстѣ были менѣе подробно развиты, или даже пропущены при произнесеніи рѣчи, частью случайно, частью намѣренно, въ видахъ ея сокращенія. Ѳ. С.

ковномъ пѣніи и чтеніи и вызывая къ жизни церковную благотворительность, Братство, несомнѣнно, будетъ способствовать тому возрожденію прихода, о которомъ въ послѣдніе годы такъ много было говорено. Но приходъ не есть что-то въ себѣ замкнутое и себѣ довлѣющее; онъ входитъ въ составъ общественной организаціи и неразрывно съ нею связанъ. Въ его жизни такъ или иначе должно отражаться все, что совершается въ епархіи, въ церкви помѣстной и даже въ церкви вселенской; и приходское общество, съ своей стороны, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что происходитъ вокругъ него.

Къ сожалѣнію, однако, у насъ въ настоящее время связь между приходомъ и болѣе крупными единицами церковной организаціи, если не совершенно отсутствуетъ, то значительно ослабѣла.

При всемъ упадкѣ приходскаго строя, въ немъ все же еще значительно больше жизненности, чѣмъ, напримѣръ, въ епархіальной организаціи. Приходъ имѣетъ свое сосредоточеніе въ храмѣ; общеніе между прихожанами и ихъ духовная связь съ непосредственнымъ ихъ пастыремъ проявляется въ общей молитвѣ, въ постоянно повторяющихся при общемъ участіи всѣхъ прихожанъ обрядахъ, священнодѣйствіяхъ и таинствахъ; этимъ поддерживается и укрѣпляется внутреннее единство приходскаго общества. Не то въ епархіи. Отношенія между епископомъ и его паствою имѣютъ почти исключительно дѣловой и до извѣстной степени случайный характеръ. Многіе ли міряне видѣли своего епископа? Многіе ли знаютъ его иначе, какъ по имени? Его служеніе въ храмѣ видятъ и его поученія слышатъ лишь жители того города, гдѣ онъ имѣетъ пребываніе, да и то, конечно, далеко не всѣ. Само духовенство тоже сравнительно мало и рѣдко приходитъ въ соприкосновеніе со своимъ архипастыремъ. Можетъ

быть, все это до извѣстной степени неизбѣжно, ибо такая отрѣшенность епископа отъ его паствы въ значительной мѣрѣ зависитъ, конечно, отъ цѣлой совокупности внѣшнихъ условій, съ которыми приходится считаться, и которыя не могутъ быть устранены по волѣ отдѣльныхъ лицъ. При всемъ томъ, однако, сложившійся у насъ строй епархіальной жизни слѣдуетъ признать глубоко ненормальнымъ. Мириться съ нимъ нельзя, и необходимо, во что-бы то ни стало, возстановить непосредственное общеніе епископа съ его паствою. Какъ это сдѣлать—вопросъ весьма трудный и сложный; но оставаться равнодушнымъ къ этому вопросу можетъ только тотъ, кому совершенно чуждо церковное дѣло.

Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ случаѣ ужъ, несомнѣнно, безсильны частныя лица, хотя бы они и дѣйствовали совокупно въ составѣ обществъ и братствъ. Тутъ необходимы мѣры законодательныя, нужны преобразованія, которыя устранили бы препятствія къ общенію между епископомъ и его паствою; требуется, наконецъ, властное слово собора, которое призвало бы всѣхъ въ обновленной жизни и указало бы надлежащіе къ тому пути. Все это часто приходилось слышать за послѣдніе годы и нельзя не признать, что въ этихъ указаніяхъ много правды.

Да, безспорно, церковная организація наша настоятельно требуетъ многихъ преобразованій; формы церковной жизни не вѣчны; онѣ неизбѣжно должны приспособляться къ измѣняющимся по времени и мѣсту условіямъ, среди коихъ протекаетъ жизнь церкви. Если развитіе ихъ замедляется почему-либо, то церковная власть обязана принимать мѣры для того, чтобы приводить церковную организацію въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися потребностями. Кто же можетъ лучше исполнить все это, чѣмъ соборъ?

Но, желая преобразованій въ области церковныхъ учрежденій, всей душой ожидая наступленія того великаго дня, когда Богу угодно будетъ дать возможность живущему въ церкви Духу торжественно проявить себя въ соборѣ,—не слѣдуетъ забывать, что для всего этого требуется предварительная работа церковнаго сознанія. Необходимо, чтобы и пастыри, и пасомые прониклись тѣмъ духомъ соборности, который долженъ проявиться во всѣхъ начинаніяхъ церковной власти и, въ особенности, во всемъ, что относится къ созыву и къ дѣятельности собора.

О необходимости провести въ организаціи церковнаго управленія начало соборности много было говорено за послѣдніе годы; но при этомъ часто упускалось изъ виду, что соборность не есть какая-либо внѣшняя норма и никакими внѣшними мѣрами не можетъ быть осуществлена. Подъ соборностью у насъ иные склонны понимать нѣчто, вродѣ особой формы правленія, которая можетъ быть по произволу введена и отмѣнена соотвѣтствующими актами церковной власти. Но такое пониманіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію этого термина. Имъ характеризуется не внѣшняя сторона церковнаго строя, а внутренняя связь между всѣми членами церкви, связь, которая можетъ проявляться самыми различными способами, но которая неизбѣжно налагаетъ свой отпечатокъ на церковную организацію и на образъ дѣйствій, какъ должностныхъ лицъ церковныхъ, такъ и простыхъ членовъ церкви.

Духъ соборности вовсе не требуетъ, конечно, чтобы всѣ вѣрующіе занимали въ церкви совершенно равное положеніе и чтобы ни на комъ изъ нихъ не лежали какія-либо особыя обязанности, соединенныя съ нѣкоторыми исключительными полномочіями. Но, провозглашая и стараясь провести въ жизнь принципъ соборности, мы должны помнить, что, въ силу этого прин-

ципа, никто изъ членовъ церкви не имѣетъ права относиться къ церковному дѣлу безучастно, полагаясь на то, что тѣ, кому это дѣло вѣдать надлежитъ, сами знаютъ, какъ распорядиться, и ни въ чьемъ содѣйствіи или совѣтѣ не нуждаются. Поэтому мы, міряне, должны придти къ сознанію, что и мы несемъ свою долю отвѣтственности за тѣ непорядки и нестроеніе въ церковной жизни, которые мы такъ охотно обличаемъ. Но да позволено будетъ мнѣ сказать, что и церковная власть, съ своей стороны, проникшись духомъ соборности, не должна бы полагаться исключительно на себя и относиться равнодушно къ мнѣнію прочихъ вѣрующихъ, помня, что и они не лишены благодати Духа Святаго. Всѣ, кто стоитъ за соборность, должны бы убѣдиться, что слышать свободный голосъ всѣхъ членовъ церкви необходимо для самой церковной іерархіи, ибо ея дѣятельность будетъ успѣшна только при сознательномъ участіи всего народа церковнаго.

При такомъ пониманіи соборности, очевидно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы провести этотъ принципъ въ жизнь однѣми дѣйствіями церковной власти. Требуется нѣкоторая внутренняя перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и пасомыми и во взглядѣ тѣхъ и другихъ на церковное дѣло. Безъ этого всѣ самыя необходимыя и цѣлесообразныя преобразованія церковнаго строя останутся безплодными; безъ этого самый соборъ легко можетъ обратиться въ чисто внѣшнее учрежденіе и его созывъ пройдетъ безслѣдно для нашей церковной жизни. Поэтому всѣ, кто дѣйствительно желаетъ, чтобы возможно скорѣе исчезли всѣ препятствія къ созыву собора и къ его плодотворному дѣйствію, всѣ, кто ждетъ отъ церковной іерархіи властнаго слова и рѣшительнаго дѣла для борьбы съ прискорбными явленіями современной нашей дѣйствительности,—словомъ, всѣ, кто молится

вмѣстѣ съ церковью, „да утолятся церковныя соблазны“, всѣ міряне и духовные безразлично,—должны дружно приняться за работу, чтобы подготовлять постепенно ту внутреннюю перемѣну, о которой сейчасъ была рѣчь. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ святомъ дѣлѣ не встрѣтится со стороны церковной власти никакихъ препятствій и что существующія церковныя учрежденія не послужатъ въ этомъ случаѣ помѣхою, лишь бы мы только всѣ—и міряне, и духовные,—дѣйствовали въ духѣ любви, той любви, которая, по слову апостола, „не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всегда надѣется, все переноситъ“

Проникнутое желаніемъ принять посильное участіе въ этомъ великомъ всецерковномъ дѣлѣ, Братство наше одною изъ своихъ обязанностей ставитъ содѣйствіе епархіальной власти въ разработкѣ вопросовъ церковно-общественной жизни. Далека отъ насъ мысль (говоря такъ, думаю, что выражаю убѣжденіе всѣхъ подписавшихъ уставъ), далека отъ насъ мысль, повторяю, вторгаться въ область, намъ недоступную, нѣтъ у насъ тѣни намѣренія добиться какихъ-либо правъ. Мы ничего не ищемъ для себя; но мы не можемъ оставаться посторонними и безучастными зрителями всего того, что совершается въ церкви, съ которою мы хотимъ жить одною жизнью. Мы считаемъ непозволительнымъ молчать при переживаемыхъ церковью нашей обстоятельствахъ; мы хотимъ только одного,—чтобы насъ выслушали, и мы вполнѣ увѣрены, что церковная власть сама пойдетъ навстрѣчу нашему скромному начинанію.

V

Наконецъ, есть еще одна сторона церковной жизни, въ которой замѣчаются въ настоящее время нѣкоторыя неблагопріятныя явленія, въ зависимости отъ недостаточности общенія между руководящими элементами церковнаго общества и массою вѣрующихъ,—просвѣтительную дѣятельность церкви.

Ни для кого не тайна, что у насъ замѣчается нѣкоторое раздвоеніе между оффиціальнымъ богослуженіемъ и религіознымъ сознаніемъ какъ всей массы вѣрующихъ, такъ и той его части нашего образованнаго общества,— которой не чужды вопросы вѣры. Богословскія изслѣдованія и учебники у насъ—сами по себѣ, а работа религіозной мысли—сама по себѣ. Двигателями этой работы у насъ являются, главнымъ образомъ, мыслители, не призванные къ такой работѣ по своему положенію въ церкви.

Великіе подвижники, посвятившіе себя созерцательной жизни, съ одной стороны, и философы, художники, публицисты изъ мірянъ, съ другой—вотъ кто работалъ и работаетъ у насъ надъ уясненіемъ вопросовъ вѣры, вотъ кѣмъ созданы главнѣйшія теченія нашей религіозной мысли. Что же касается нашихъ спеціалистовъ-богослововъ, то они, при всѣхъ достоинствахъ ихъ ученыхъ трудовъ, остаются доселѣ какъ бы въ сторонѣ отъ того движенія, которое, хоть и въ слабой степени, но все же совершается въ нашемъ религіозномъ сознаніи. Чтобы не быть голословнымъ, я назову для примѣра два имени А. В. Горскаго и В. В. Болотова. Это были безспорно два великана учености; по необычайной обширности и разносторонности своихъ познаній, по выдающейся трудоспособности, по замѣчательному умѣнію основательно разрабатывать научный матеріалъ и дѣлать изъ него точные, строго-обоснованные выводы, они заняли бы почетное мѣсто въ любой

странѣ среди дѣятелей науки. И что же? Пользуются ли они соотвѣтствующей извѣстностью у насъ. Я думаю, можно безошибочно сказать, что даже въ той части нашего образованнаго общества, которой не чуждъ интересъ къ вопросамъ вѣры, эти столпы нашей богословской науки извѣстны развѣ только по имени; о какомъ-либо положительномъ вліяніи ихъ на образъ мыслей нашего общества, на складъ его религіозныхъ понятій и представленій, на отношеніе его къ вопросамъ вѣры не можетъ быть и рѣчи. А вспомните, наряду съ этимъ, епископа Ѳеофана и оптинскихъ старцевъ, а съ другой стороны—Хомякова, Достоевскаго, Вл. Соловьева и скажите: развѣ не воспитались на твореніяхъ этихъ людей цѣлыя поколѣнія?

Отчего же это зависитъ?

Не углубляясь во всестороннее изслѣдованіе этого труднаго вопроса, можно, однако, отмѣтить одну черту, имѣющую существенное значеніе для объясненія указаннаго явленія. Богословская школа развивалась у насъ всегда въ полной отрѣшенности отъ духовной жизни нашего общества. Оттого ученые труды нашихъ богослововъ не находятся въ большей части ни въ какой связи съ тою работою религіознаго сознанія, которая совершается въ нашемъ обществѣ, и не отвѣчаютъ на духовные запросы, вытекающіе изъ этой работы. Наоборотъ, свѣтскіе писатели, занимавшіеся вопросами вѣры, сами принадлежали къ обществу, и потому ихъ мысли производили на многихъ глубокое впечатлѣніе и находили себѣ живой откликъ въ самыхъ широкихъ общественныхъ слояхъ; что же касается писателей изъ числа подвижниковъ, то они, уйдя отъ міра, постоянно поддерживали, однако, живое общеніе со всѣми, кто, оставаясь въ міру, стремился къ духовной жизни.

Измѣнить нынѣшнее ненормальное положеніе на-

шей богословской науки, приблизивъ ее къ жизни и, съ другой стороны, возбудить къ ней интересъ среди мыслящихъ мірянъ — вотъ задача огромной важности для нашей церкви. Разрѣшить ее, конечно, не подъ силу такому скромному союзу, какъ наше Братство, но забывать о ней намъ не слѣдуетъ. Пока лица, призванныя по своему сану и по своей профессіи къ церковному учительству, будутъ находиться въ томъ состояніи духовнаго одиночества, какъ теперь, до тѣхъ поръ вся работа нашей богословской школы будетъ совершенно чужда всему, что есть мыслящаго въ русской церкви. И это, конечно, бѣда немалая. Тутъ дѣло идетъ не только о большей и меньшей плодотворности самой богословской науки и объ ея болѣе или менѣе блестящемъ внѣшнемъ развитіи. Богословіе, являясь какимъ то caput mortuum по отношенію къ религіозному сознанію нашего общества, не только не способствуетъ оживленію этого сознанія, но дѣйствуетъ на него прямо губительно. Построенія, формулы, схемы и доказательства, которыя вырабатываются черезъ посредство высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній до самыхъ низовъ народной школы,—они служатъ оправой, въ которой преподносятся истины вѣры всему учащемуся юношеству, и непригодность этой оправы весьма многимъ препятствуетъ воспринять самое содержаніе вѣры.

Поэтому если наше Братство будетъ по мѣрѣ силъ стремиться къ тому, чтобы и въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія установилось живое общеніе между составными элементами церковнаго общества, то оно пойдетъ навстрѣчу дѣйствительной потребности нашей церковной жизни, и самая малая лепта, которую оно внесетъ въ это дѣло, будетъ имѣть великую цѣну.

VI.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный въ началѣ вопросъ. Братство наше есть союзъ церковный, имѣющій цѣлью работать надъ практическимъ и теоретическимъ разрѣшеніемъ вопросовъ церковной жизни въ той формѣ, какую эти вопросы получили у насъ въ настоящее время. На этой работѣ Братство желаетъ сблизить и сплотить воедино мірянъ съ духовенствомъ въ томъ убѣжденіи, что въ этомъ— единственно вѣрный путь къ тому, чтобы поднять церковную жизнь на должную высоту и укрѣпить вѣру.

Но скажутъ: при всемъ сочувствіи конечной цѣли, которую себѣ ставитъ Братство, нельзя не признать, что задачи, за разрѣшеніе коихъ оно берется, по своей обширности и сложности, едва ли окажутся ему по силамъ. Какъ ни кратко и сжато опредѣляются въ уставѣ ближайшія цѣли дѣятельности Братства, въ нихъ затронутъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ сторонъ нашей церковной жизни, въ которыхъ замѣчаются издавна нѣкоторыя неблагопріятныя явленія, и если совокупнымъ усиліямъ нѣсколькихъ поколѣній церковныхъ дѣятелей доселѣ не удалось излѣчить нашу церковную жизнь отъ вкравшихся въ нее недуговъ, то можно ли ожидать какихъ-либо существенныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи отъ дѣятельности только-что нарождающагося небольшого общества. Не лучше ли въ виду этого ввести дѣятельность Братства въ болѣе тѣсныя рамки? Не цѣлесообразнѣе ли ему ограничиться какою-либо одною изъ намѣченныхъ задачъ?

Долженъ признаться, что эти опасенія возникали и у меня, и что при составленіи устава я высказывалъ эти самыя мысли. Однако, остальныя лица, участвовавшія въ этой работѣ, справедливо возстали противъ слишкомъ большого ограниченія задачъ Братства. Они

находили, и я долженъ былъ съ ними согласиться, что при такой постановкѣ дѣла труднѣе было бы привлечь вниманіе къ дѣятельности братства, осмыслить его начинанія. Чрезмѣрно съузивъ задачи Братства, мы, можетъ-быть, облегчили бы его дѣятельность, но практическое значеніе нашего начинанія, если не совсѣмъ было-бы утрачено, то, во всякомъ случаѣ, для большинства затемнилось бы. Къ тому же, сохраняя въ уставѣ указаніе на предстоящія Братству разнообразныя стороны дѣятельности, учредители Братства никоимъ образомъ не думали, конечно, брать на себя обязательство, что сразу будетъ приступлено къ работѣ во всѣхъ направленіяхъ. Имѣлось въ виду только опредѣлить общій характеръ дѣятельности Братства и поставить эту дѣятельность въ достаточно широкія рамки, чтобы впослѣдствіи ничто не препятствовало при благопріятныхъ обстоятельствахъ заняться такими сторонами дѣла, которыя въ настоящее время представляются, можетъ-быть, почти недоступными. Но на первыхъ порахъ, очевидно, необходимо сосредоточиться на какомъ-либо одномъ небольшомъ дѣлѣ, съ котораго удобнѣе начать и которое соотвѣтствовало-бы силамъ и средствамъ только-что возникшаго учрежденія. Поэтому изъ всего широкаго поля дѣятельности, открывающагося передъ Братствомъ, необходимо теперь избрать какую-нибудь одну небольшую полоску и, усердно ею занявшись, отложить разработку всего остального поля до того времени, когда начнутъ уже сказываться плоды нашей дѣятельности въ первоначальномъ маломъ ея объемѣ и когда силы наши окрѣпнутъ и возрастутъ.

На первую очередь всего естественнѣе было бы выдвинуть заботы о церковномъ богослуженіи. Это соотвѣтствовало-бы существу дѣла, какъ оно разъяснено выше; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой области сравнительно

легче достигнуть сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ при малыхъ средствахъ. Когда начинанія Братства въ этой области получатъ уже опредѣленную форму и поставлены будутъ на правильный путь, тогда слѣдовало бы обратиться къ организаціи церковной благотворительности. Здѣсь придется уже значительно болѣе подготовлять почву, потребуется цѣлый рядъ данныхъ для выработки вполнѣ цѣлесообразныхъ мѣръ; наконецъ, необходимо будетъ собрать нѣкоторыя матеріальныя средства и привлечь довольно многочисленный личный составъ работниковъ. Еще значительно болѣе трудными представляются задачи, намѣченныя въ послѣднихъ двухъ пунктахъ ст. 1-й устава, и потому ихъ цѣлесообразнѣе было бы отодвинуть на третью и на четвертую очередь.

Само собою разумѣется, однако, что такая послѣдовательность въ развитіи дѣятельности Братства, еслибъ она была установлена, никоимъ образомъ не должна бы насъ стѣснять. Принимая теперь опредѣленный планъ работъ, мы вовсе не должны придерживаться его рабски и механически. Если обстоятельства укажутъ на возможность и необходимость въ чемъ-либо отступить отъ первоначально намѣченной программы, то нѣтъ надобности передъ этимъ останавливаться. Слѣдуетъ только помнить, что дѣятельность наша будетъ успѣшна и плодотворна лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ разрабатываться постепенно, начиная съ самыхъ скромныхъ опытовъ и расширяясь въ зависимости отъ возрастанія средствъ и въ соотвѣтствіи съ требованіями, которыя будутъ предъявляться самою жизнью.

VII.

Отъ этихъ общихъ соображеній перехожу къ практическому вопросу о томъ, съ чего начать дѣло, какъ за него взяться. Если держаться намѣченной выше по-

слѣдовательности въ разрѣшеніи предстоящихъ намъ задачъ, то прежде всего необходимо подумать о томъ, въ чемъ должно выразиться наше содѣйствіе церковной власти и приходскимъ учрежденіямъ въ ихъ заботахъ о церковномъ богослуженіи? Чѣмъ можемъ мы способствовать тому, чтобы міряне принимали возможно болѣе широкое участіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи?

Недостатки въ способѣ совершенія нашего богослуженія, о коихъ была рѣчь, зависятъ частью отъ неумѣнія исполнителей и отъ недостатка у нихъ художественнаго развитія, частью же отъ малочисленности личнаго состава нашихъ причтовъ. Соотвѣтственно этому и Братству надлежитъ, съ одной стороны, обучать церковному пѣнію и чтенію, съ другой—подготовлять лицъ, способныхъ помогать причту (безвозмездно или за извѣстное вознагражденіе) при совершеніи имъ церковныхъ службъ. Въ этихъ видахъ представлялось бы полезнымъ учредить школу, или, вѣрнѣе, вечерніе курсы для обученія церковному пѣнію и чтенію.

На первый взглядъ можетъ показаться, что нѣтъ никакой надобности въ особомъ учебномъ заведеніи для обученія церковному чтенію, такъ какъ всякій грамотный человѣкъ тѣмъ самымъ уже вполнѣ подготовленъ, будто-бы, для чтенія въ церкви. Но, во-первыхъ, есть различныя степени грамотности: кончившій курсъ въ начальной школѣ, не въ состояніи читать такъ, какъ тотъ, кто получилъ среднее или высшее образованіе. Во-вторыхъ, наши учебныя заведенія вообще мало обращаютъ вниманія на толковое и выразительное чтеніе вслухъ, и потому не всѣ лица, даже съ высшимъ образованіемъ, могутъ быть признаны тѣмъ самымъ способными читать вслухъ публично. Еще менѣе заботится наша школа о томъ, чтобы ея воспитанники умѣли читать по церковно-славянски; даже лица, прошедшія черезъ духовно-учебныя заведе-

нія, сплошь да рядомъ ошибаются въ удареніяхъ и неправильно произносятъ славянскія слова; между тѣмъ, даже незначительныя ошибки и неправильности въ этомъ отношеніи непріятно поражаютъ при чтеніи въ церкви и мѣшаютъ слѣдить за содержаніемъ того, что читается. Наконецъ, помимо всего этого, церковное чтеніе по своему характеру непремѣнно должно отличаться отъ обыкновеннаго свѣтскаго чтенія; было бы странно, если бы евангеліе и апостольскія посланія читались въ церкви съ тѣми же интонаціями, какъ любое свѣтское произведеніе. Вѣдь и свѣтскія произведенія, очевидно, не всѣ должны читаться одинаково: нельзя однимъ тономъ читать обвинительный актъ или докладъ земскому собранію и какое-нибудь художественное произведеніе; тѣмъ болѣе естественно, чтобы выработанъ былъ особый характеръ для чтенія въ церкви. У насъ принято читать въ церквахъ нараспѣвъ, постепенно повышая голосъ безъ всякаго отношенія къ содержанію читаемаго текста. Казалось бы, что этотъ установившійся обычай въ основѣ своей могъ бы быть сохраненъ, но онъ долженъ бы осуществляться не такъ грубо, какъ теперь, съ меньшей заботой о голосовыхъ эффектахъ и съ большимъ вниманіемъ къ смыслу того, что читается. Выработать необходимые для этого пріемы и усвоить себѣ соотвѣтствующія интонаціи едва ли сумѣютъ безъ надлежащихъ совѣтовъ и указаній даже лица, имѣющія уже нѣкоторый опытъ въ церковномъ чтеніи; тѣмъ болѣе требуютъ руководства въ этомъ отношеніи лица, хотя бы достаточно образованныя, но никогда не читавшія въ церкви. Изъ всего этого видно, что предполагаемая школа никакъ не будетъ излишнимъ учрежденіемъ; дѣла для нея найдется немало, и вліяніе ея можетъ оказаться благотворнымъ, лишь бы только удалось найти умѣлаго руководителя и способныхъ преподавателей.

Въ настоящее время, конечно, еще трудно опредѣлить во всѣхъ подробностяхъ организацію такой школы, но нѣкоторыя ея черты можно, кажется, намѣтить и теперь. Въ составъ учащихся надлежало бы принимать всѣхъ желающихъ лицъ обоего пола, не требуя какого-либо образовательнаго ценза, кромѣ той степени грамотности, какая дается окончаніемъ курса въ начальной школѣ.Затѣмъ всѣ учащіеся естественно распредѣлялись бы на два разряда: къ первому относились бы лица, имѣющія уже нѣкоторый навыкъ въ церковномъ чтеніи, напримѣръ, псаломщики и свѣтскія лица, ихъ нерѣдко замѣняющія, какъ по собственной охотѣ, такъ и по найму; всѣ прочія лица составили бы второй разрядъ. Независимо отъ этого, при многочисленности учениковъ, 2 разрядъ могъ бы дѣлиться на группы по образовательному цензу учащихся; лица, окончившія курсъ въ начальной школѣ, съ одной стороны, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—съ другой. Сколько времени долженъ продолжаться курсъ обученія въ такой школѣ—покажетъ опытъ; необходимо только, чтобы школа выпускала лицъ, вполнѣ способныхъ исполнять обязанности псаломщика (по крайней мѣрѣ, относительно чтенія), и притомъ исполнять ихъ не хуже, чѣмъ лучшіе изъ теперешнихъ псаломщиковъ. Обученіе должно состоять въ слѣдующемъ: каждый текстъ сначала разучивается медленно, причемъ даются краткія объясненія, встрѣчающихся въ немъ непонятныхъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи, а также сообщаются необходимыя литургическія свѣдѣнія, затѣмъ этотъ текстъ читается такъ, какъ онъ долженъ быть прочтенъ въ церкви, при чемъ обращается вниманіе на то, чтобы каждое слово выговаривалось вполнѣ внятно и отчетливо, чтобы соблюдались указанныя въ книгахъ церковной печати ударенія, чтобы согласные и гласные звуки произно-

сились такъ, какъ принято ихъ произносить по славянски, чтобы дѣлались необходимыя остановки на знакахъ препинанія и въ связи съ этимъ соотвѣтствующія повышенія и пониженія голоса, а также логическія ударенія и, наконецъ, чтобы чтеніе удовлетворяло элементарнымъ требованіямъ въ музыкальномъ отношеніи. Преподавателями такой школы могли бы быть лучшіе чтецы, избранные изъ числа московскихъ діаконовъ и псаломщиковъ или изъ монастырскихъ канонарховъ. Завѣдываніе ею должно бы быть возложено на одного изъ преподавателей. На первое время, конечно, достаточно было бы одного учителя, онъ же и завѣдывающій.

Параллельно съ обученіемъ церковному чтенію, въ тѣхъ же классахъ надлежало бы вести и преподаваніе церковному пѣнію. Дѣло это, конечно, значительно сложнѣе, но зато тутъ имѣется уже нѣкоторый опытъ, которымъ и слѣдовало бы воспользоваться. Общество любителей церковнаго пѣнія, какъ извѣстно, уже второй годъ устраиваетъ регентскіе классы, а нынѣшнею зимою оно приступило сверхъ того къ организаціи курсовъ начальной школы для обученія церковному пѣнію. Намъ необходимо, кажется, прежде всего ознакомиться съ организаціей этой школы и съ постановкою въ ней дѣла. Этимъ путемъ мы получимъ, конечно, цѣнныя указанія, соотвѣтственно которымъ и надо будетъ организовать преподаваніе церковнаго пѣнія въ нашей будущей школѣ. Поэтому теперь представляется преждевременнымъ входить въ какія-либо подробности по этому предмету.

Какую же пользу могли бы принести подобныя школы?

Прежде всего онѣ способствовали бы распространенію любви къ церковному богослуженію, развивали бы пониманіе его и возбуждали бы охоту къ участію

въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Затѣмъ уровень требованій, предъявляемыхъ къ церковнымъ чтецамъ, естественно сталъ бы повышаться, развивалось бы представленіе о томъ, каково должно быть церковное пѣніе, и это могло бы способствовать устраненію наиболѣе часто встрѣчающихся теперь въ церковномъ чтеніи недостатковъ. Далѣе появилось бы нѣкоторое число лицъ, способныхъ замѣнять псаломщиковъ во время церковной службы или, по крайней мѣрѣ, помогать имъ; изъ этихъ лицъ одни, вѣроятно, не отказались бы исполнять нѣкоторыя обязанности псаломщиковъ добровольно и безвозмездно, хотя-бы по большимъ праздникамъ, другіе дѣлали бы то же самое за извѣстное вознагражденіе, что представляется особенно важнымъ, такъ какъ теперь, въ случаѣ болѣзни псаломщика, бываетъ совершенно невозможно найти подходящее лицо для временнаго исполненія его обязанностей. Наконецъ, подготовлены были бы кадры пѣвцовъ для введенія общаго пѣнія въ церквахъ.

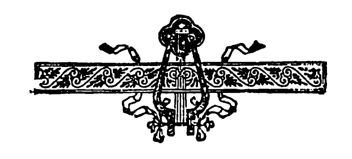
Само собою разумѣется, что и организацію общаго, всенароднаго пѣнія нельзя начинать сразу въ широкихъ размѣрахъ. Къ нему надо приступить очень осторожно, дѣйствуя постепенно и тщательно подготовляя для него почву. Въ особенности важно обратить вниманіе на то, что Братство, во всякомъ случаѣ, можетъ принимать какія-либо мѣры для организаціи общаго пѣнія лишь тамъ, гдѣ на это изъявлено будетъ согласіе настоятелемъ церкви и церковнымъ старостою. Въ приходахъ, гдѣ, благодаря проектируемымъ нами школамъ или независимо отъ нихъ, наберется достаточное количество лицъ, нѣсколько подготовленныхъ къ участію въ хоровомъ пѣніи и получившихъ первоначальное знакомство какъ съ текстомъ важнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній, такъ и съ главнѣйшими церковными напѣвами, можно было бы при-

ступить къ опытамъ исполненія всею церковью нѣкоторыхъ простѣйшихъ мотивовъ и пѣснопѣній по воскреснымъ днямъ послѣ вечерни. Такіе опыты уже производились, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ церквахъ и, кажется, давали хорошіе результаты; теперь слѣдовало бы попробовать то же самое въ другихъ приходахъ, а тамъ, гдѣ дѣло уже начато, можно было бы его нѣсколько расширить, вводя понемногу общее пѣніе за самой вечерней. Затѣмъ, если дѣло пойдетъ успѣшно, то можно было бы постепенно переходить къ пѣнію во время литургіи, начиная, конечно, съ краткихъ отвѣтовъ на возгласы священника и діакона, напримѣръ: аминь и Духови Твоему, Господи помилуй, подай Господи и т. п. При этомъ, пѣснопѣнія, нѣсколько болѣе трудныя, могли бы исполняться хоромъ, составленнымъ изъ наиболѣе способныхъ къ пѣнію прихожанъ.

Высказывая всѣ эти соображенія, я, разумѣется, не имѣю и въ мысляхъ притязанія на то, чтобы общее собраніе сейчасъ же ихъ приняло, мнѣ представляется несвоевременнымъ даже слишкомъ обстоятельное ихъ обсужденіе. Мы теперь не подготовлены къ тому, чтобы немедленно рѣшить вопросъ о томъ, какъ приступить къ дѣлу. Достаточно будетъ, если мы по этому вопросу обмѣняемся между собою взглядами, чтобы узнать, какія въ средѣ нашей существуютъ по данному вопросу мнѣнія, и какія намѣчаются предположенія. Затѣмъ все, что будетъ предложено, необходимо передать на заключеніе совѣта, которому, очевидно, придется поручить представить ближайшему собранію свои соображенія о томъ, съ чего Братство должно начать свою дѣятельность. Въ надеждѣ, что собраніе пойдетъ въ этомъ дѣлѣ такимъ путемъ, я и позволилъ

себѣ утруждать ваше вниманіе изложеніемъ своего взгляда на дѣло. Буду вполнѣ удовлетворенъ, если собраніе найдетъ возможнымъ передать мои предположенія на разсмотрѣніе совѣта.

Θедоръ Самаринъ.

Въ тихой пристани.

(Посвящается братіи Зосимовой пустыни).

Пересматривая передъ 1500-лѣтнимъ юбилеемъ св. Іоанна Златоуста его творенія и нѣкоторыя статьи о немъ, я встрѣтилъ одну мысль вселенскаго учителя, на которую раньше не обращалъ вниманія. Разумѣю совѣтъ святителя христіанскимъ родителямъ его времени отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри. Совѣтъ этотъ, предлагавшійся Іоанномъ Златоустомъ очень настойчиво, вызывался сознаніемъ опасности, какой подвергались дѣти-христіане, учась въ языческихъ школахъ, за неимѣніемъ христіанскихъ. Златоустъ полагалъ, что, хотя бы „курсъ ученія“ въ монастырѣ „истинному любомудрію“ продолжался 10 и даже 20 лѣтъ, этому не слѣдовало бы препятствовать; срокомъ пребыванія питомцевъ въ монастырѣ должно, по его мнѣнію, служить достиженіе юношами полной *зрѣлости* въ благочестивомъ настроеніи и нравственной жизни. Только тогда, утверждаетъ Златоустъ, будетъ отъ нихъ великая польза и имъ самимъ, и родителямъ, и обществу, потому что тогда они явятся *истинными свѣтильниками, всеобщими благодѣтелями, врагами общественныхъ язвъ и неустройствъ*.

Эти сужденія св. Златоуста перенесли мою мысль съ далекаго юга, родины святителя, на дальній сѣверъ,

гдѣ и теперь въ одной изъ старѣйшихъ обителей нашихъ совершается систематически воспитаніе подрастающаго поколѣнія сѣвернаго края. Ежегодно въ великую обитель Соловецкую притекаютъ во множествѣ (многіе десятки-сотни) отроки-юноши, чтобы потрудиться на островѣ, освященномъ трудами и молитвами святыхъ Зосимы и Савватія. Обучаясь тамъ всякимъ мастерствамъ, молодые люди обучаются и „истинному любомудрію“, и, прежде всего, столь пренебрегаемой въ наше время и обезцѣниваемой добродѣтели *послушанія* (въ широкомъ смыслѣ этого слова), которая, когда они возвратятся подъ кровъ родительскій, вноситъ въ семью благоуханіе мира, все дальше и дальше отступающаго теперь отъ семейнаго очага. Большая часть этой молодежи проводитъ *годъ* въ обители Соловецкихъ чудотворцевъ, почему они и именуются *годовиками;* другіе остаются на два года и больше, а иные и навсегда.

Но не на нихъ однихъ, дѣтяхъ сѣвера и дѣтяхъ исключительно простого народа, мы можемъ наблюдать воспитательное вліяніе монастырей, оправдывающее взглядъ св. Златоуста, высказанный полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Мы знаемъ, что и для *всего* русскаго крестьянства обители, хранящія великій духъ своихъ основателей, часто даже одни святые останки ихъ, являются духовными питомниками и врачебницами, вдохновляющими, утѣшающими и исцѣляющими смиренныхъ тружениковъ земли родной. Стоитъ вспомнить о лаврахъ Почаевской, Кіевской, Троице-Сергіевой, привлекающихъ ежегодно десятки тысячъ „скорбящихъ и озлобленныхъ“, чающихъ Христова утѣшенія.

За нравственной поддержкой, за „врачевствомъ“ для души, за „немерцающимъ свѣтомъ“ Христовой истины идутъ въ эти святыя обители и многіе, многіе интеллигентные люди. И не прославленныя только, получив-

шія историческое значеніе, лавры, съ драгоцѣнными мощами праведниковъ, привлекаютъ къ себѣ этихъ интеллигентныхъ „искателей вѣчной правды“, которой не нашли они ни въ „храмахъ науки, ни въ разнообразныхъ мірскихъ сообществахъ“ Можетъ-быть, больше, чѣмъ эти святыни, притягиваютъ ихъ къ себѣ „добрые“ иноки, хранящіе, по прекрасному выраженію Ѳ. М. Достоевскаго, „образъ Христовъ“ Передо мной лежитъ письмо одной молодой дѣвушки, посѣтившей въ этомъ году одну изъ старѣйшихъ русскихъ обителей, особенно прославившуюся такъ называемымъ „старчествомъ“ „Старцы“—христіанскіе мудрецы, они-то и составляютъ главное украшеніе и притягательную силу этой замѣчательной пустыни. Ради нихъ посѣщали ее и иногда подолгу живали въ ней выдающіеся русскіе писатели — Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ, Толстой, Кирѣевскій и другіе. Что же даетъ душѣ интеллигентнаго пришельца монастырь съ его насельниками, иноками-простецами? На это отвѣчаетъ письмо, о которомъ я упомянулъ. Вотъ, какъ передаетъ дѣвушка впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ Оптиной: „Не знаю, сумѣю ли передать вамъ, какъ хочется, объ Оптиной. Съ внѣшней стороны было такъ: прожила я тамъ три недѣли, исходила тамошнія лѣса,— долгіе, долгіе часы просиживала надъ тихой Жиздрой, наслаждаясь тишью, возможностью никуда не торопиться—и думать, думать. Отдохнула я тамъ и душой, и тѣломъ. И еще больше прелести было въ томъ, что я, тамъ никому неизвѣстная, издалека пріѣхавшая, чувствовала, что ни одна душа меня тамъ не обидитъ, что любятъ меня тамъ, любятъ не за воображаемыя добродѣтели, не за услуги, которыхъ, конечно, не могла имъ оказать я, не по кровному родству, а просто потому, что я—человѣкъ, и они—люди. Только тамъ я поняла, какъ тяжело на насъ ложится внѣшняя жизнь... Самое завѣт-

ное, самое дорогое мнѣ, вѣру, какъ я привыкла прятать отъ людей, боясь, какъ бы они не сдѣлали больно, не тронули неосторожно, не оскорбили! И какая масса силъ уходитъ на это скрытничанье—и все же иногда дѣлаютъ больно. А тамъ я почувствовала, что нечего мнѣ бояться, не отъ кого прятаться и полной грудью я вздохнула въ первый разъ въ жизни, можетъ быть. Ничего, похожаго на матеріальный вопросъ, тамъ нѣтъ. Я думала, что нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ такого угла, гдѣ бы не играли роль деньги, и даже смѣшно, но и умилительно вспомнить, что, когда я расплачивалась, уѣзжая (а платила я тамъ гроши), гостинникъ, не беря денегъ, мрачно такъ, исподлобья поглядывая на меня, спросилъ: „довольно ли ты на дорогу себѣ оставила? Хватитъ ли"? Я даже не поняла, о чемъ онъ говоритъ: никогда, нигдѣ еще не случалось мнѣ расплачиваться такъ, чтобы интересовались, остаются ли у меня деньги,—а то, молъ, не отдавай мнѣ всего... *И все въ этомъ духѣ.* Я и не подозрѣвала, чтобы могла быть такая жизнь. Я только теоретически думала, что въ имени Христовомъ разрѣшеніе всѣхъ проблемъ общественныхъ, экономическихъ, но только теперь узнала, что есть крохотная точка на огромномъ пространствѣ земли русской, гдѣ эта теорія воплощена уже, гдѣ можно близко чувствовать вѣяніе духа Христовой любви.

А затѣмъ (это уже о внутреннемъ), только тамъ я въ первый разъ говѣла, какъ слѣдуетъ, хотя раньше и имѣла смѣлость думать, что отношусь какъ слѣдуетъ къ этому таинству. Только теперь я поняла, что такое исповѣдь. Въ первый разъ въ жизни поняла, какъ я нуждаюсь въ прощеніи, какъ много во мнѣ дурного и стыднаго, и какъ нужны мнѣ милость и снисхожденіе. И воспоминаніе о томъ, какой я себя ничтожной чувствовала тогда и какъ нуждалась въ милости, и

какъ мнѣ эту милость дали—совсѣмъ по новому окрасило жизнь мою. Никогда раньше не случалось мнѣ такъ всѣмъ существомъ все это переживать. Знаете, въ какой-то изъ своихъ статей, въ „Дневникѣ писателя“, Достоевскій, призывая судъ къ помилованію уголовной преступницы, говоритъ, что это помилованіе подѣйствуетъ на нее сильнѣе осужденія, что всю жизнь будетъ она помнить, что она „прощеная“ Я раньше это понимала, но только по отношенію къ той уголовной преступницѣ, а теперь поняла, что значитъ чувствовать себя *прощеной*. И какъ странно, что я, до 21 года дожившая, считая себя христіанкой, только теперь поняла это. А вѣдь корень всей философіи жизненной, что ли: гдѣ ужъ мнѣ осуждать другихъ, когда я сама нуждалась въ прощеніи и получила его изъ милости. Иной разъ готово сорваться рѣзкое, гордое слово съ губъ и вдругъ вспомнишь: „да, вѣдь, я сама прощеная“; иногда, по старой привычкѣ, занесешься мыслями высоко, высоко, и начнешь въ душѣ бунтовать,—да вспомнишь, какой была тогда, въ тѣ минуты, маленькой, и какъ много получила отъ Бога, простившаго все, отъ человѣка, доведшаго меня до сознанія и сумѣвшаго не осудить, не презирать меня тогда, когда я сама себя такъ презирала—и бунтъ прекращается, и боишься, какъ бы ненарокомъ не оторваться отъ Церкви, отъ этихъ людей, отъ Бога... Я не хочу этимъ сказать, что ничего дурного теперь не дѣлаю и не сдѣлаю,—и дѣлаю, и бунтую, и говорю,—да все это иначе освѣщается и иначе оцѣнивается въ свѣтлыя минуты, труднѣе стало оправдывать самое себя со своими недостатками; дѣлаешь дурное, но уже не оправдываешь его, а называешь своимъ именемъ“

Духовное сокровище, полученное въ монастырѣ, вызвало въ сердцѣ дѣвушки такое влеченіе къ мѣсту, гдѣ обрѣла она сокровище, что вернувшись домой, она,

по ея словамъ, все ходила и твердила: „Я хочу въ Оптину“ „Понимаю, что это нелѣпо, понимаю, что этого нельзя, а иначе чувствовать не могу“.

Къ счастью, не одна Оптина является такимъ благодатнымъ питомникомъ для насъ, русскихъ интеллигентовъ, взыскавшихъ безцѣннный жемчугъ—Христа. То, что дала древняя обитель этой дѣвушкѣ, даетъ десяткамъ, и многимъ десяткамъ, не имѣющихъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскующихъ, пустынь, лишь въ послѣдніе десять лѣтъ засіявшая свѣтомъ невечерняго дня. Я говорю о Зосимовой пустыни, лежащей въ 15—16 верстахъ отъ Сергіевой лавры и находящейся въ административной зависимости отъ послѣдней. Это духовный оазисъ, въ которомъ находятъ пристанище и воду живую не только москвичи все въ большемъ и большемъ количествѣ туда притекающіе, особенно во время постовъ, но и жители далекихъ окраинъ. Мнѣ приходилось встрѣчать тамъ обитателей Олонецкой губерніи, Петербургской, Рижской, Волынской, Кіевской, Херсонской, Казанской, Саратовской, не говоря о болѣе центральныхъ. Вы можете увидѣть тамъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія и умственнаго развитія: титулованныхъ аристократовъ, видныхъ общественныхъ дѣятелей, ученыхъ профессоровъ, академистовъ-священниковъ и ученыхъ монаховъ, игуменій, студентовъ духовной академіи, университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, учительницъ, учителей всякихъ школъ, врачей, словомъ людей всякаго званія и состоянія.

Что же влечетъ ихъ всѣхъ въ эту небольшую, мало примѣтную, обитель? Не красоты природы, не прославленныя святыни,—ни тѣмъ, ни другимъ не можетъ похвалиться скромная, затерявшаяся въ невысокомъ лѣсу Смоленская Зосимова пустынь. Влекутъ туда тѣ же старцы, тѣ же врачи духовные, тѣ же пѣстуны

во Христа, которые украсили собою и пустынь Оптину.

Предо мной сейчась уже не письмо юной дѣвушки, а дневникъ зрѣлаго мужа, пережившаго періодъ сомнѣнія и страданія и приведеннаго Богомъ въ келію одного изъ названныхъ старцевъ. Дѣлаю по необходимости лишь краткую выписку изъ этого дневника: „вѣдь это давно я считаюсь съ голосомъ, взывающимъ о покаяніи! Но довелось мнѣ покаяться только теперь, когда я пришелъ къ человѣку, „власть имѣющему" помочь мнѣ. Тутъ нечего, конечно, доказывать. Все— дѣло опыта, и я благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ такъ сознательно пройти этотъ опытъ. Я не буду говорить о „власти" этого человѣка, но скажу о своемъ душевномъ переживаніи. Только тутъ, передъ распятіемъ, съ одной стороны, и передъ о. N. съ другой, я уразумѣлъ, какъ трудно и какъ сладостно покаяніе. То, что казалось отошедшимъ въ далекое прошлое (по совѣту о. N. я пересмотрѣлъ свою жизнь съ 7-лѣтняго возраста), стало проясняться, выступать впередъ, принимать образъ и смущать совѣсть. Какъ боязливая душа хотѣла бы закрыть глаза на разныя мелочи! Но, какъ нарочно, чѣмъ больше порывалась она это сдѣлать, тѣмъ ярче становились эти мелочи, и тѣмъ большимъ стыдомъ жгли онѣ ее. Какъ стыдно было выводить на свѣтъ эти мелочи, эти, думалось, забытыя, потерявшія значеніе ничтожности. Многое далось съ боя, тяжелой мучительной борьбой. Господь услышалъ молитву и помогъ мнѣ обнажить передъ врачемъ позорныя язвы, дабы получить исцѣленіе. Изъ келіи старца я вышелъ въ слезахъ, но это были не удручающія слезы. Вечеромъ въ этотъ день я долго не могъ уснуть, и съ устъ не сходила молитва Іисусова... На другой день я получилъ то, о чемъ и помыслить боялся"

И здѣсь, какъ и на примѣрѣ дѣвушки, наблюдает-

ся претвореніе „ветхаго человѣка“, тлѣющаго въ похотяхъ, въ „новую тварь“, созиданіе его „по образу и подобію истины“

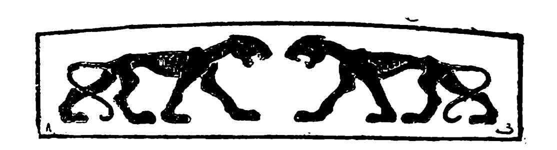
Одна очень интеллигентная и болѣзненно сложная женщина писала, побывавъ у о N. и испытавъ на себѣ его благодатное вліяніе: „онъ умирилъ мою душу, покрывъ ея сложность своею простотою, простотою Христова мудрованія“ Да, въ этомъ Христовомъ мудрованіи старцевъ и заключается ихъ сила; благодаря ему они и дѣлаютъ приходящихъ къ нимъ причастниками того „истиннаго любомудрія“, ради котораго и совѣтовалъ Златоустъ современнымъ ему родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри.

Невольно вспоминаются слова, не пророческія ли? —упомянутаго нами великаго писателя нашего и сердцевѣдца Ѳ. М. Достоевскаго: „сколько въ монашествѣ смиренныхъ и кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы! На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и столь подивились бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ-быть, еще разъ спасеніе земли русской! Ибо воистину приготовлены въ тишинѣ „на день и часъ, и мѣсяцъ и годъ“ Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и не искаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра“

„Невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ“, пишетъ тотъ же Ѳ. М. Достоевскій. „Берегите народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ“, заключаетъ свое слово объ инокѣ русскомъ православный писатель-художникъ.

Воспитаніе народа и не прекращалось, слава Богу, во многихъ монастыряхъ русскихъ, хотя, конечно, для иныхъ обителей можно бы пожелать большаго успѣха и большаго вниманія къ этому великому и отвѣтственному дѣлу. Но за послѣднее, и странно, столь безрелигіозное, время, приходится наблюдать съ отрадой усиленное, хотя и непредумышленное, воздѣйствіе русскаго монастыря на интеллигентный слой народа, такъ много содѣйствовавшій охлажденію этого народа къ вѣрѣ Христовой. Воспитаніе *этого слоя* въ духѣ Христовой истины—дѣло не меньшее, чѣмъ охраненіе въ *народѣ* еще живыхъ началъ этой истины. Да охранитъ же Господь и васъ самихъ, святыя обители, и тебя, дорогая наша Зосимова пустынь, отъ всякой напасти и козни вражіей, преисполняя насельниковъ нашихъ духомъ кротости, смиренія, мира и любви!

М. Новоселовъ.

ЖЕЛАННАЯ.

(Разсказъ).

Мнѣ еще и двадцати пяти лѣтъ не минуло, какъ умерла моя первая жена и я остался вдовцемъ съ двумя малыми дѣтками. Покойница была женщина болѣзненная, изъ себя некрасивая, да и годами меня постарше... Сосватали и поженили старики,—насъ не спрашивали. Ужъ такъ это по нашему званію искони водится. Родители мои—люди торговые, польстились на приданое; денегъ взяли тысячи двѣ, одежи разной три сундука, а на человѣка-то толкомъ и не посмотрѣли, должно быть. „Стерпится-слюбится", да „съ лица не воду пить",—говаривали у насъ въ тѣ поры. Ну, да видно, не всѣ поговорки вѣрны. Прожили мы съ покойницей, правда, пять годовъ безъ нужды, безъ ссоръ большихъ, безъ попрековъ, однако, и радости тоже мало видѣли. Уѣдешь ли бывало куда, загостишься ли гдѣ, домой то и не тянетъ, что-то. Вернешься—жена встрѣтитъ честью, въ дому все въ порядкѣ, а не радуется сердце, на душѣ какъ-то тоскливо, да и жена ходитъ тоже все сурьезная такая, да неразговорчивая. Вотъ такъ-то и тянулась сѣро да безрадостно наша жизнь семейная, а тутъ и конецъ ей пришелъ.

Покойница завсегда, значитъ, была здоровья слабаго: все кашляла, все охала, а тутъ простудилась

еще, должно быть. Вступила это въ нее болѣзнь, жаръ во всѣмъ тѣлѣ сталъ, огнемъ точно распалило. Спосылалъ за докторицей; однако, ничего не могло помочь, ну, на третій день, вижу, что дѣло плохо, за попомъ послалъ. Пріобщилась покойница, позвала къ себѣ:

— „Петра“,—говоритъ, „конецъ мой пришелъ, прощай! Береги дѣтокъ, не давай ихъ чужимъ людямъ въ обиду, а жениться будешь, помни мой совѣтъ: не льстись на деньги-то, что въ нихъ? Самъ наживешь. Возьми жену добрую, чтобы сиротъ моихъ жалѣла. Да и себѣ возьми жену по сердцу, чтобы самому счастье узнать, да и другого человѣка, чтобы даромъ не мучить“ На этихъ словахъ закашлялась, бѣдная, да такъ жалостно еще и прибавила, „а меня“, говоритъ, „прости въ чемъ не уважила“ Померла, жалко мнѣ ее стало, все же сколько годовъ вмѣстѣ прожили, а пуще всего жалко стало сиротъ малыхъ. Меньшой-то и годика тогда не было.

Взялъ я тутъ къ себѣ тетку старую, да осталась въ дому работница, что при покойницѣ еще жила и зажилъ я кое-какъ по маленечку. Минуло такъ-то съ полгода. Дѣло торговое веду я, не упускаю; домой приду—за дѣтками присмотрю; однако, вижу, все какъ будто у меня въ дому опускается. Дѣти ходятъ неумытыя и неодѣтыя, въ хозяйствѣ тоже порядка нѣтъ, а расходъ пошелъ во всемъ болѣе прежняго. Видно и впрямь, думаю я „безъ хозяйки-то домъ сирота“, какъ говорятъ старые люди. Сталъ тутъ я раздумывать, какъ мнѣ дальше-то жить, и выходитъ, что жениться мнѣ безпремѣнно надо. Хозяйку взять дому, да и дѣткамъ мать. Тутъ съѣздилъ я къ отцу, къ матери, посовѣтовался.

— „Что-жъ“, говорятъ, „сынокъ, дѣло доброе! Человѣкъ ты молодой, бобылемъ тебѣ не прожить, еще чего добраго избалуешься. Женись, безпремѣнно же-

нись! Ты хотя и вдовый и дѣтокъ у тебя двое, однако же за тебя всегда хорошая дѣвушка пойдетъ; съ капиталомъ изъ купеческой семьи можешь взять, вотъ, къ примѣру сказать, у насъ въ уѣздномъ-то у Оболдуева, у Макара Ивановича дочка невѣста, али у Соколова у трактирщика, въ Большомъ селѣ тоже двѣ дочки на выданьѣ. Изъ себя молодецъ ты, дѣло заведено у тебя хорошее, есть, слава Богу, на что прожить и семью воспитать. Съѣзди, съѣзди,—говоритъ,—посмотри, а гдѣ понравится—намъ скажи, мы и посваатаемъ.

Ну, спустя такъ недѣльку, другую, выбралъ я свободный денекъ и поѣхалъ къ Оболдуеву, будто-бы по торговому дѣлу, а впрямь, значитъ, невѣсту высмотрѣть. Обо мнѣ къ нимъ тоже слушокъ былъ ранѣе пущенъ.

Пріѣхалъ въ городъ я рано, сталъ у Ѳедота Васильева на постояломъ. Отпрягъ лошадь, пошелъ къ хозяевамъ. А Ѳедотъ-то былъ землякъ мнѣ, изъ того-же села Загорья, гдѣ и я торгую, человѣкъ знакомый, значитъ. Мужикъ не старый, вдовѣлъ разъ и второй годъ, какъ опять поженился.

— А, Петръ Михайловичъ! Здравствуйте! Наше вамъ почтеніе—встрѣтилъ онъ меня.—Давненько не видались. Зачѣмъ васъ Богъ принесъ?

— Да такъ, говорю, купить вотъ кое-что у Оболдуева въ лавкѣ понадобилось.

— Что это такъ? Вы, кажись, ранѣе-то къ намъ не ѣзжали. Изъ Москвы все, слышь, товаръ получаете.

— Да случай вышелъ такой, Ѳедотъ Васильичъ!—вру я для отвода глазъ-то. Красный товаръ въ лавкѣ къ концу подошелъ, а въ Москву ѣхать недосугъ, ну вотъ и привелось къ вамъ въ городъ пріѣхать...

— Доброе дѣло! Чайку хотите? Садитесь съ нами,

жена сейчасъ все живо спроворитъ. Вы, кажись, моей молодухи-то еще и не знаете.

— Катя, а Кать!—окликнулъ онъ жену, которая, слышно было, какъ возилась въ сосѣдней горницѣ.

— Вамъ что, Ѳедотъ Васильевичъ?—откликнулся молодой, пріятный голосъ.—Я дѣтей умываю.

— Ты бы намъ съ гостемъ чайку собрала!—отвѣтилъ Ѳедотъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ!.. Самоваръ-то давно кипитъ!—отвѣтилъ тотъ же голосъ.

Дверь отворилась и на порогѣ показалась молодая женщина лѣтъ двадцати семи, съ черными, ласковыми глазами и круглымъ добродушнымъ лицомъ. На рукахъ у ней, слегка отбиваясь отъ полотенца, которымъ она утирала мокрое отъ воды смѣющееся личико, барахтался трехлѣтній мальчуганъ, а изъ-за двери, держась за ея передникъ, выглядывала другая умильная рожица пятилѣтней дѣвочки.

— Вотъ видишь, руки заняты,—проговорила молодая женщина,—Сейчасъ кончу и живо все подамъ. Здравствуйте!—ласково поклонилась она мнѣ. Черезъ минуту-другую молодуха живымъ манеромъ собрала намъ чайку, усѣлась съ нами чайничать, а за ней примостились къ столу и дѣти.

— Ну посмотрите вотъ, полюбуйтесь, Петръ Михайловичъ, какое послалъ Господь моимъ сироткамъ счастіе. Моя Катерина Никитишна, не то, что обидѣть чѣмъ дѣтей, прямо сказать, какъ насѣдка, цѣлый день съ ними возится. Хозяйка она у меня, разумница,—сказалъ Ѳедотъ, ласково поглядывая на жену.

— Да гдѣ жъ это вы такую хозяюшку сыскали?—поддержалъ и я хозяина.

— Ахъ! Что это вы меня, Ѳедотъ Васильевичъ, при гостѣ-то конфузите,—застыдилась молодуха.—Скажите, невидаль какая! Полюбилась вамъ дѣвушка про-

стая, не посмотрѣли вы, что безприданница, а теперь вотъ меня же и хвалите...

Побесѣдовалъ еще я малость времени, а потомъ и къ Оболдуевымъ собрался. Домъ ихъ на базарѣ стоитъ. Внизу торговля, вверху сами живутъ. Пришелъ я прямо въ лавку, гдѣ краснымъ товаромъ торгуютъ. Сталъ съ хозяиномъ о товарѣ разговаривать, а онъ только ухмыляется; самъ бритый такой, лицо строгое, все обличіе, прямо сказать, городское.

— Ну, говоритъ, дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ, а пока пожалуйте, гость дорогой, въ горницы чаю откушать.

Вижу, покои у нихъ дивные, настоящіе купеческіе. Я даже оробѣлъ немного, ужъ думаю, туда ли попалъ, не обидѣлись-бы... Однако, вижу, Оболдуевъ со мной такой ласковый...

— Слышалъ, слышалъ, говоритъ,—у васъ дѣло-то хорошо поставлено; народъ къ лавкѣ пріученъ, въ городъ къ намъ не ѣздятъ... Можно значитъ, хорошій барышъ зашибать.

Тутъ и сама хозяйка пришла—важная, толстая такая, печь-печью, а тоже ласково про родныхъ моихъ разговоръ повела. Сижу я это съ ними разговариваю, а самъ чего-то робѣю, думается все: вотъ-вотъ сейчасъ судьба моя выйдетъ, ну, однако, дѣвица-то не скоро показалась, видно наряжалася. Наконецъ, слышу зашуршало платье шелковое и вплыла она въ горницу. Я и глазъ-то, поднять не смѣю. Ужъ и вдовымъ я былъ, а чего-то смутился.

— Здравствуйте, говоритъ, чайку не угодно-ли? И слышу зазвенѣла посуда, это, значитъ, съ подносомъ подошла.

Поднялъ я тутъ, наконецъ, глаза-то, смотрю, стоитъ передо мной дѣвушка, нарядная такая, вся въ розовомъ, лицо бѣлое, румяное, брови соболиныя, ну,

прямо сказать, красавица. Ну, думаю, и неужли жъ такую кралю, да за меня деревенскаго торговца выдаутъ?

Стали разговаривать. Я все больше на хозяйку смотрю, да ея толстое лицо разглядываю, а на дѣвушку-то только мелькомъ взгляну, а она вскинетъ это на меня глазами-то, такъ даже на сердцѣ заскребетъ.

Проводили меня честью; просили не забывать,— видно, имъ я тоже понравился.

Пришелъ я на постоялый, Ѳедотъ-то и спрашиваетъ: ну, что, дѣла-то свои кончили?—Нѣтъ, говорю, не миновать еще у васъ побывать.

Катерина Никитишна, вижу, что-то вокругъ меня вертится, а какъ сталъ я уѣзжать, она въ сѣнцахъ повстрѣчалась, перегнулась сверху, да и шепчетъ мнѣ: хорошъ-ли, купецъ товаръ-то выбрали, не ошибиться бы вамъ!... Ну, въ тѣ поры словъ ея я и въ мысль не взялъ,—ужъ больно невѣста мнѣ полюбилася.

Скоро я и сватовъ послалъ. Съѣздили мои родители, все порѣшили. Ну, говорятъ, готовься, сынокъ, гостей принимать, скоро невѣста съ родней къ тебѣ пріѣдетъ, по обычаю „лавочки смотрѣть“ Изготовился я, изрядно поистратился. Думаю, родня невѣстина богатая и я въ грязь лицомъ не ударю тоже.

Ну, пріѣхали городскіе гости на двухъ тройкахъ. Шумъ, говоръ поднялся у меня въ дому-то; я только и успѣваю, что кланяться да просить откушать, а невѣсту-то только мелькомъ вижу. А она, такая нарядная, по горницамъ пошла съ моей матушкой все хозяйство мое смотрѣть, ну и къ дѣткамъ зашли, по конфеткѣ имъ дала, сказываютъ, а на руки взять поопасался, платья чтобъ не помять.

Погостили такъ-то, собираться стали. Самъ я въ санкахъ проводить ихъ до городского шоссе надумалъ.

Ну, Маша,—говоритъ тутъ сама Оболдуева,—ты-бы

съ Петромъ Михайловичемъ сѣла, ваше дѣло молодое, вамъ безъ насъ веселѣе будетъ.

Обрадовался я, подсадилъ въ саночки дѣвушку, сѣлъ рядомъ и думаю: теперь поговоримъ, познакомимся.

— Ну, какъ вамъ мое житье понравилось?— спрашиваю я для начала у дѣвушки.

— Чтожъ, домикъ у васъ чистенькій, только глушь здѣсь страшная, скучно вамъ тутъ одному жить— отвѣчала Марья Макаровна и замолчала опять.

Ну, вижу, ждетъ она, что я про чувства свои буду сказывать. Однако, остерегся я и отодвинулся такъ, чтобы получше ее видѣть, и коня попридержалъ; думаю, поотстанемъ, вольнѣй будетъ разговаривать, и опять началъ спрашивать:

— Повидали вы дѣтокъ моихъ, Марья Макаровна? Какъ мои сиротки вамъ полюбилися?

— Ахъ, какой вы право! Что я въ этомъ понимаю! Махонькіе они у васъ такіе, я и водиться съ ними не пріучена—отвѣчаетъ она, какъ будто съ досадой и сжала, смотрю, губы въ кислую такую улыбку. Нашелъ, значитъ, чѣмъ городскую барышню занимать?.. Ну замолчалъ я и словъ не нахожу больше, только смотрю это на нее. Батюшки! Чтожъ это?.. Вижу, лицо то все у нея подбѣлено, да подрумянено, брови вырисованы. Красота-то, что меня одурманила такъ, видать, чужая вся, да и дѣвица въ годахъ должно быть. Вспомнились мнѣ тутъ Катерինины-то слова. Господи, думаю, да съ кѣмъ же это я опять на вѣки свою жизнь связать хочу. Красота фальшивая, а сама, кажись, злая да нравная. На что мнѣ капиталъ ея, самъ не нищій, да и силы у меня много, вся жизнь еще впереди. Неужли-же опять себя закабалить долженъ, и не узнать мнѣ счастья семейнаго?

Наскучило молчаніе мое дѣвушкѣ.

— Вы, что жъ это, кавалеръ мой, задумались?— заговорила она.—Это вы всегда такой серьезный, да сердитый или, можетъ, меня испугалися? Я, кажись, не страшная.—Обернулась она ко мнѣ съ улыбочкой. И увидала она тутъ, что я пристально ее такъ разсматриваю... Загорѣлись у нея глаза отъ досады.

— Что-то, говоритъ, вы на меня такъ уставились, что жъ вы молчите все?.. Хоть коня пустите пошибче, своихъ бы мнѣ поскорѣй догнать.

— Видать,—заговорилъ я, наконецъ, глухимъ, такимъ голосомъ,—нашему брату, мужику деревенскому, городской барышнѣ не потрафить. Нечего мнѣ, значитъ, васъ и разговорами своими по-пусту тревожить. Прошу ужъ извините насъ, не обезсудьте, что обезпокоили...

— Ахъ! Скажите пожалуйста, какія пошлости выходятъ?—взвизгнула Марья Макаровна и отъ злости у нея даже лицо все перекосило—куда и красота дѣвалася. Да это срамъ просто! Да гдѣ жъ это видано!... Выхватила она тутъ у меня возжи, стегнула вороного и скоро догнали мы поѣздъ городскихъ гостей.

Ужъ и не помню, что было дальше. Сильно ругалась, кажись, невѣстина родня. Почитай, вѣдь, всѣ выпивши были. Не сталъ я, однако, имъ и отвѣтъ держать, повернулъ свои саночки, да и былъ таковъ. Вернулся домой я веселый, точно гора съ плечь свалилася.—Благодарю, говорю родителямъ, Создателя! Миновала меня бѣда великая, не связалъ себя я съ постылой женой, послушалъ своего сердца молодецкаго.

Обидѣлись сильно мои старики.—Что жъ это ты насъ-то на старости лѣтъ осрамилъ. Теперь Оболдуевъ по всему уѣзду насъ ругать будетъ, да и денегъ-то дарма какую уйму извели. Виданое-ли это дѣло? Ну,

сынокъ, надумаешь опять жениться, сватайся самъ, а мы ужъ слуги покорныя. На этихъ словахъ и уѣхали.

Ну, думаю, старики-то посердятся-посердятся, да и успокоются, а деньги дѣло наживное. Вотъ счастье-то свое загубишь разъ, такъ и не воротится. Брошу теперь и невѣстъ искать, положусь во всемъ на волю Божію, буду ждать не скажется-ли гдѣ сама моя суженая.

И опять зажилъ я по старому, только больше сталъ за дѣтками присматривать. Вотъ вернешься, бывало, домой, а старшой-то Колька, самъ навстрѣчу ко мнѣ бѣжитъ и такъ рученками то и трепыхается, ужъ больно, значитъ, радъ мнѣ, ну, а меньшая-то, хитрая дѣвченка, та первымъ дѣломъ въ руки смотритъ, не несу ли, значитъ, гостинца какого? Поиграешь это съ ними, приласкаешь ихъ, ну, на душѣ-то словно потеплѣе станетъ. Такъ и повелъ я свою жизнь одинокую.

Спустя недолго времени дошелъ до меня слушокъ, что въ вотчинѣ князя Подбѣльскаго новыя дѣлянки березнячку для продажи нарѣзаны. Отъ нашего-то мѣста это верстахъ такъ въ десяти будетъ. А въ то время я на желѣзную дорогу дрова ставилъ, такъ и выходило мнѣ дѣло подходящее. Ну, думаю, хорошо-бы купить, пока другіе не прослышали, и, не мѣшкая долго, заложилъ лошадку, да и махнулъ въ княжескую усадьбу.

Старый-то князь съ княжной, дочкой своей, зимами въ Питерѣ жили. Княжна ужъ въ годахъ дѣвушка была, умная, на многихъ языкахъ обучена, а для бѣдныхъ людей до того простая, что вся округа ее знала и любила. Особливо охотница она была деревенскихъ дѣвушекъ обучать. Какъ пріѣдетъ, бывало, въ усадьбу, такъ и станетъ ихъ къ себѣ по праздникамъ собирать: учитъ, сама имъ книжки читаетъ, а то и работы разныя показываетъ.

Дѣло-то было зимой; господъ, значитъ въ усадьбѣ

не было. Я къ управляющему во флигелекъ и заявился. Спрашиваю про лѣсокъ.

— Да, говоритъ,—получилъ я отъ княжны письмо, приказываютъ продать пять дѣлянокъ.

— А велики-ли будутъ?

— Да, примѣрно, десятинъ по пяти; всего-то десятинъ двадцать пять можно продать.

— А посмотрѣть можно?

— Отчего нельзя, посмотрите, а тамъ и о цѣнѣ столкуемся, вотъ только мнѣ-то съ вами ѣхать сейчасъ недосугъ: люди всѣ за сѣномъ уѣхавши—мнѣ и отлучиться нельзя. Ужъ и не знаю какъ быть. Можетъ сами какъ дорогу найдете. Тамъ-то при рощѣ лѣсникъ старенькій живетъ, Семеномъ звать, показать-то есть кому.

— Пожалуй, я и одинъ проѣду,—мнѣ другой-то разъ пріѣзжать тоже недосугъ, да и было бы желательно дѣло покончить.

— Такъ вотъ, говоритъ, ѣзжайте прямо черезъ село, а какъ выѣдете за околицу, такъ одна будетъ дорога на Залучье. Не болѣе какъ съ версту отъѣдете и начнется княжескій лѣсъ, а еще черезъ полверсты направо будетъ просѣка, а съ просѣки-то только одна дорожка влѣво и есть къ сторожкѣ,—тутъ ужъ рукой подать.

Поѣхалъ я, добрался до просѣки,—а тутъ выходитъ, дорожку-то эту самую снѣгомъ запорошило, я и сбился съ пути.—Ну, думаю, недалеко до сторожки. И сталъ окликать лѣсника.

— А-у, Семенъ, ау,—кричу я, а голосъ мой такъ по лѣсу-то и разносится.

Сначала тихо было, затѣмъ слышу, гдѣ-то собака залаяла, а потомъ и отвѣтили:

— Ко-о-го ва-а-амъ?...

— А гдѣ тутъ сторожка княжая?—кричу я.

— А вамъ чего нужно-то, сказывайте?—откликнулся ближе звонкій молодой голосъ.

— Мнѣ лѣсника надобно повидать,—отозвался я.

— А вотъ вамъ я,—отвѣтилъ тотъ-же голосъ совсѣмъ уже близко.

Послышались шаги по лѣсу, захрустѣли сучья и изъ чащи показался малый въ дубленомъ полушубчикѣ, сѣрой мерлушковой шапкѣ и высокихъ бѣлыхъ валенкахъ.

— Гдѣ-бы, милый, говорю, мнѣ проѣхать къ сторожкѣ, княжаго лѣсника повидать?..

— Да я-же вамъ сказывалъ, что я княжой лѣсникъ и есть,—отвѣчалъ съ досадой малый.

— А какъ-же мнѣ говорили, что лѣсникъ-то старый?

— Старый-то, отецъ мнѣ, больной лежитъ, вотъ я за него и обхожу дачу-то.

Смотрю на этого лѣсника—и глазамъ не вѣрю, и совсѣмъ это вижу и не парень а красивая, статная дѣвушка. Подъ шапочкой голова темнымъ платкомъ повязана, бѣлокурыя волосы выбились на алыя отъ мороза щеки, а сама такимъ молодцомъ выглядываетъ.

— Что это, дѣвушка, ты такъ вырядилась?

— Не я вырядилась-то, а нужда заставила,—отвѣтила она строго.—Отцу подсоблять надо. А вамъ чего надобно-то, купецъ? Зачѣмъ вы лѣсника кликали?

— Да меня изъ усадьбы управляющій къ вамъ прислалъ дѣлянки посмотрѣть, что для продажи на этотъ годъ нарѣзаны.

— Такъ вы такъ-бы и сказывали, господинъ купецъ.—Поѣзжайте за мной, зайду я въ сторожку, возьму плантъ, тогда и пойдемъ по дѣлянкамъ.

Сторожка оказалась близко. Дѣвушка забѣжала въ избу, а я тѣмъ временемъ лошадь привязалъ, ски-

нулъ тулупъ и подпоясался, чтобы легче ходить было. Скоро вышла и дѣвушка и мы двинулись.

— Какъ-же это тебѣ, говорю, въ лѣсу-то не страшно одной ходить?

— А чего мнѣ бояться? Въ лѣсу я выросла, всѣ тропинки въ емъ знаю, а обидѣть здѣсь меня некому,— вся округа знаетъ меня, да и не очень я пужлива— сама сдачу дамъ.

Пришли къ дѣлянкамъ. Вынула она изъ сумочки планъ, сняла рукавичку, достала карандашъ и показываетъ это мнѣ.

— Вотъ, говоритъ, это первая будетъ дѣлянка по планту нумеръ двадцать третій, отъ этого столба просѣка прямо идетъ на полтораста саженъ и въ другую сторону на восемьдесятъ, а тамъ двадцать четвертая пойдетъ, вотъ какъ здѣсь по планту-то показано. Лѣсокъ въ первой дѣлянкѣ чистый березнякъ, полянъ нѣтъ ни одной, во второй вонъ большая полянка есть, а лѣсъ все березнякъ, въ другихъ дѣлянкахъ и осинничекъ попадается, однако, лѣсокъ ровный все.

— Ну, говорю, дѣльно сказываешь,—ишь ты какая толковая.

— Ну, что же, идемъ что-ли, господинъ купецъ?

Иду я за нею, вижу, точно, лѣсокъ первѣющій, крѣпкій, частый, соображаю, сколько саженъ дровъ станетъ; однако, сказать по правдѣ, не объ однихъ дровахъ у меня дума-то. Извѣстно, дѣло молодое,— такъ меня вотъ и тянетъ еще поразспросить о чемъ диковиннаго лѣсника. И откуда она, думаю, такая толковая. Отъ кого это она ума набралась?

Однако дѣвушка идетъ, все показываетъ, а сама такая стала серьезная.

— Тебя какъ, дѣвушка, звать-то,—спрашиваю.

— Анной зовутъ, Семеновной по батюшкѣ величаютъ,—отвѣчаетъ она мнѣ гордо.

— Вотъ оно что. Обидѣлась видно на мое простое обхожденіе.

— Извините меня, Анна Семеновна, говорю, за простоту мою. Скажите, гдѣ это вы всему научились. Вижу вы и грамотѣ учены и плантъ понимаете.

— Отъ отца я научилась, онъ не вѣкъ лѣсникомъ-то былъ, да вотъ и княжна наша по лѣтамъ со мной занимается. Однако, говоритъ, мы съ вами, купецъ, съ разговорими-то не скоро лѣсъ обойдешь.—Думаю, вамъ время дорого, да и мнѣ нужно скорѣе къ отцу ворочаться,—ему безъ меня и трубку-то подать некому.

Проходили мы еще съ часокъ по лѣсу. Дѣвушка все отмалчивалась. Вернулись къ сторожкѣ.

— Можетъ что съ отцомъ нужно переговорить—войдите,—сказала она.

Меня поразило необычное убранство жилища лѣсника. Небольшая изба—разгорожена на-двое. Перегородка отдѣляла отъ передней горницы коморку дѣвушки; выбѣленныя стѣны завѣшены были какими-то картинками. У печки блестѣлъ самоваръ. Въ углу, близь завѣшеннаго чистыми занавѣсками окна, сидѣлъ благообразный съ длинными сѣдыми волосами старикъ. Точно ликъ какого-то угодника съ иконы стараго письма глянулъ на меня, а не лицо лѣсника-простолюдина.

— Не обезсудьте, господинъ купецъ,—заговорилъ онъ.—Встать не въ силахъ, а чѣмъ могу, готовъ служить вамъ. Дочка вамъ все толково небось показала?

— Правда ваша,—отвѣтилъ я,—ваша дочка знаетъ дачу отлично, и все мнѣ показала, какъ слѣдуетъ. Однако, все-же мнѣ хотѣлось-бы васъ поразспросить кое-о-чемъ. Давно вы здѣсь служите, такъ вамъ поди всѣ здѣшніе порядки по вырубкѣ извѣстны?

— Да мы съ Аннушкой седьмой уже годъ здѣсь живемъ. Не въ первой идетъ вырубка, привыкли мы.

къ ней,—и старикъ сталъ обстоятельно мнѣ все разсказывать.

Тѣмъ временемъ дѣвушка тулупчикъ скинула, развязала платокъ и принялась проворно заниматься домашней работой. Пока мы разговаривали, на столѣ появилась чистая скатерть, самоваръ, два чайныхъ прибора и лѣсникова дочка, подойдя къ отцу и положивъ ему руку на плечо, ласково спросила:

— Батюшка, а батюшка, прикажешь тебѣ и гостю чайку налить? Господинъ купецъ-то въ лѣсу измаялся, я думаю.

Въ домашнемъ уборѣ, бѣлокурая, съ тяжелой косой и ясными очами, любовно глядѣвшими на старика,— еще краше показалась мнѣ дѣвушка. Удали да отваги молодого лѣсника и слѣду не осталось. Скромная, милая хозяйка угощала насъ чаемъ.

Изъ разговора убѣдился я, что покупка выходитъ выгодная и надо кончить дѣло скорѣе.

Но, кромѣ выгоды, что-то еще другое, чего и разобрать не могъ я тогда, склоняло меня къ этой покупкѣ. Сталъ я собираться. Надо-бы, думаю, хозяевъ чѣмъ за хлопоты поблагодарить и полѣзъ было въ бумажникъ. Да во-время взглянулъ на лѣсникову дочку. Вижу это, брови она сдвинула и такъ строго глянула на меня. Понялъ я, что обижу, коли вздумаю деньгами расплачиваться.

— Благодарю,—сказалъ я почтительно,—хозяина и хозяюшку за хлопоты да за угощеніе. Можетъ когда въ нашемъ селѣ приведется быть, милости просимъ ко мнѣ. Хозяйство то только у меня сиротское,—старуха-тетка у меня домовничаетъ.

Уѣхалъ. Дѣло съ управляющимъ сладилось скоро. Зашелъ у меня разговоръ про Семена. Онъ и сказываетъ: это, говоритъ, раньше хорошій живописецъ былъ, много церквей расписалъ, въ достаткѣ жилъ,

а потомъ овдовѣлъ, здоровья лишился,—вотъ нужда-то и загнала его къ намъ. Княжна наша его въ лѣсники и устроила. Хорошій человѣкъ, рѣдкой совѣсти, даромъ денегъ не беретъ, вѣрой и правдой князю всегда служилъ, за справедливость его вся округа такъ уважаетъ, что только пьяный, кажись, къ нему заѣдетъ лѣсъ-то воровать. Теперь силы его оставили—часто хвораетъ,—да вотъ дочка его выручаетъ.

Подходило время къ великому посту. Съѣздилъ я опять къ лѣснику и по совѣту его нанялъ пильщиковъ изъ сосѣднихъ селеній. Скоро работа въ купленныхъ дѣлянкахъ закипѣла. Крѣпкія ядреныя березки стали валиться. Густыя заросли превратились въ чистыя поляны, покрытыя полусаженками свѣже-срѣзанныхъ дровъ. То и дѣло навѣдывался я въ княжескую дачу. Нанятый мной изъ сосѣдней деревни Долгонихи сторожъ построилъ себѣ избенку, а самъ я, чтобы отдохнуть и погрѣться, заходилъ больше къ княжескому лѣснику.

Старикъ всегда радъ бывалъ мнѣ и я, чѣмъ могъ, баловалъ его: терпѣливо выслушивалъ его длинные разсказы изъ священнаго писанія, возилъ ему чай и другіе гостинцы и скоро свели мы съ нимъ дружбу.

Красавица дочка его, когда удавалось застать ее дома, тоже привѣтливо бесѣдовала со мной. Такъ было въ началѣ, а потомъ она какъ будто избѣгать и хорониться отъ меня стала и рѣдко ужъ мнѣ приходилось ее видѣть. Увижу бывало Аннушку въ лѣсу, али дома и чудное что-то со мною приключается. Переговорю хотя малость и цѣлый день какъ будто у праздника хожу; а не удастся повидать ее, такая-то тоска на сердце ляжетъ, что кажется и на свѣтъ Божій не глядѣлъ-бы.

— Что жъ это, думаю, вѣдь это блажь какая-то. Не жениться же мнѣ на лѣсниковой дочери? Моя ли-

нія купеческая, не пристало мнѣ родниться съ бѣднотой,—думаю я себѣ,— а въ сердцѣ-то, будто другой голосъ какой, шепчетъ мнѣ такъ явственно: а можетъ это и есть твое счастіе, а ты, глупый, мимо хочешь пройти. Не искать же тебѣ второй Марьи-то Макаровны. Не жить же тебѣ опять съ постылой женой. Такъ вотъ душа и раздвояется. А встрѣчу, бывало, Аннушку, и не знаю, что сказать ей. Пустые все разговоры веду, какъ шальной какой,—и самъ не знаю, чего мнѣ и надобно. Такъ быть можетъ, и проморгалъ-бы я счастье свое, да случай такой вышелъ, образумилъ меня во-время.

Только случай-ли это, или впрямь Божій перстъ меня направилъ—сами судите. А я такъ полагаю, что не иначе, какъ покойница молитвы свои за сиротокъ ко Всевышнему вознесла. А вышло вотъ какое дѣло.

Сперва-на-перво увидѣлъ я сонъ. Ѣду я это будто лѣсочкомъ. Кругомъ дерева стоятъ стройныя такія, да нарядныя—не наглядишься. Небо сверху раскинулось глубокое. Взглянешь кверху—такъ глазъ не оторвешь: колышутся верхушки листьями шелестятъ, а листы зеленые-зеленые, точно кружево по небу раскинулись. Бѣжитъ мой конекъ, похрапываетъ, а у меня хорошо такъ на душѣ, свѣтло да радостно. А отчего—самъ не вѣдаю.

Ѣду я себѣ рысцой, по сторонамъ поглядываю и вижу, идетъ впереди по дорогѣ монашекъ. Изъ себя маленькій, сгорбленный, на спинѣ катомочка, изъ-подъ скуфейки волосы сѣдыми космами висятъ.

Поровнялся я съ странникомъ, лошадку попридержалъ, да и говорю:

— Куда бредешь, странничекъ. Коли по пути, садись, подвезу.

Посмотрѣлъ на меня монашекъ, спасибо сказалъ и въ телѣжку ко мнѣ вскарабкался.

Ѣдемъ мы дальше, калякаемъ о томъ да о семъ, другъ о другѣ не распрашиваемъ. Только посмотрѣлъ вдругъ на меня страннячекъ пристально-пристально и говоритъ:

— А чему это радуешься, господинъ купецъ? Съ чего это у тебя душа веселится?

А мнѣ и самому непонятно, чего это я обрадовался. Однако, подумалъ, да говорю.

— Какъ же не веселиться, милый человѣкъ, какъ не радоваться. Оглянешься кругомъ, а тутъ лѣсъ листочками шелеститъ-разговариваетъ, травка зеленѣетъ, солнышко свѣтитъ, птички поютъ... Слышишь, чижикъ на вѣткѣ заливается.... А спроси-ка у него, чему онъ радуется?...

Смотритъ на меня монашекъ, головой качаетъ.

— Правильно говоришь, купецъ, правильно. Только чижикъ, вѣдь—птичка Божія, сердцемъ живетъ, умомъ не раскидываетъ. А умѣешь-ли ты жить, какъ сердце велитъ.

Чудна мнѣ показалась такая рѣчь.

— Купецъ, вѣдь я,—говорю,—самъ видишь. Мнѣ-ли умомъ не раскидывать? Все обдумать, расчитать надо... купцы, вѣдь, все счетомъ живутъ.

А монашекъ знай себѣ посмѣивается.

— Вотъ то-то оно и есть. Считать, считай, да только не обсчитывайся, и слово мое разъ навсегда запиши: сердца-то, сердца на счеты не клади—все равно обсчитаешься... А конька-то поприд ержи: мнѣ слѣзать пора.

Остановилъ я телѣжку, странничка спустилъ, а самъ все думаю, слова его въ толкъ взять не могу. Только смотрю, а въ сторонѣ лачужка стоитъ, низкая, да покривившаяся, грязная, закоптѣлая... Чья-бы это,

думаю,—никогда здѣсь жилья не замѣчалъ. А старикъ обернулся пальцемъ мнѣ грозитъ, посмѣивается:

— Не избушка это,—кричитъ,—не избушка. Могилка это. Здѣсь твое счастье зарыто. Найди, коли сумѣешь.

И самъ въ лѣсъ. Глядь, а изъ избушки человѣкъ выходитъ. Мужикъ—не мужикъ, баба—не баба,—и не разберешь; весь покрываломъ окутанъ. И чувствую я, что знаю этого человѣка, очень хорошо знаю. Стоитъ вотъ подумать, понатужиться, и вспомню. Думаю, думаю, и ничего не выходитъ. А на душѣ все тяжелѣе, да тяжелѣе, точно камень стопудовый на нее наваливается. Смотрю на того человѣка-то, а онъ ко мнѣ было пошелъ, да вдругъ повернулся, къ избушкѣ возвращается... И чувствую я, что только лишь дверь за нимъ захлопнется, никогда и нигдѣ мнѣ облегченья не найти. А онъ вотъ-вотъ сейчасъ скроется.

Не выдержалъ я, да какъ закричу... Тутъ я и проснулся опять.

А тутъ и въявь такое приключилося, что сердце заговорить заставило.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ я опять какъ-то на работу, вышелъ на полянку, гдѣ люди полдничать собирались, вижу лѣсникова дочка тамъ, вокругъ народъ собрался, гуторятъ, а она, какъ будто и настоящій лѣсникъ али староста какой стоитъ, важная да серьезная. Въ сторонѣ около полусаженки вижу парень какой-то съ грустнымъ такимъ лицомъ, глазами на саженку уставился.

— Чей это?—спрашиваю приказчика.

— Да нашъ, Долгонинскій, Павломъ звать. Овдовѣлъ онъ на этихъ дняхъ, съ сиротами остался. Мужикъ работящій, степенный, только достаткомъ плохъ. Не скоро теперь хорошую-то невѣсту сыщешь. Вонъ, ужъ развѣ Аннушка лѣсникова пойдетъ. Она у насъ

больно до дѣтокъ жалостливая, — отвѣтилъ приказчикъ.

Точно обухомъ меня кто ударилъ. Бросилась кровь мнѣ въ голову. Вскипѣло ажно сердце.

— Неужели-жъ и впрямь, думаю,—мое счастіе, мою радость, жизнь мою, отобьетъ у меня Павелъ изъ Долгонихи? Нѣтъ, не бывать этому,—не уступлю я ему Аннушку. Завтра же посватаю ее у отца.

Подошелъ я тутъ къ ней, заговорилъ, а у самого голосъ не слушается.

— Завтра, говорю, безпремѣнно мнѣ батюшку вашего повидать надобно, Анна Семеновна. По важному дѣлу переговорить хочу,—можно, скажите, пріѣхать-то?

— Какое это дѣло у васъ важное сыскалося, не пойму я васъ о чемъ спрашиваете, — отвѣтила она.—Отецъ завсегда вамъ радъ. Обошли вы стараго,—чего-же еще спрашиваете?

— Семенъ Ивановичъ-то, это вѣрно, всегда мнѣ радъ, отвѣчалъ я,—вотъ дочка-то какъ будто меня чуждается, не любитъ.

— А чего мнѣ любить васъ? Вы купецъ богатый, а я дѣвушка простая, работница. Выходитъ, не пара вамъ. А въ себѣ я вольна. Сытой жизнью, покойнымъ житьемъ не приворожить меня. Прикажетъ отецъ,— и отца не послушаю. А скажетъ сердце, такъ, кажись, за бѣдняка пойду, вотъ хоть за Павла изъ Долгонихи. Раздѣлю съ нимъ всѣ его труды, его заботы тяжелыя, сиротъ его подыму, здоровье убью, жизнь, коли нужно, а купить ничѣмъ мово сердца не купишь, не таковская я...

— Не купить я хочу тебя, моя ласточка,—заговорилъ я, забывая свою гордость да чванство глупое, а лаской, добрымъ словомъ прошу раздѣлить мою жизнь одинокую. Дорогой женой, хозяйкой полною

хочу ввести я тебя въ свой домъ. Покоить и холить буду твоего батюшку, какъ отца родного. Желанная моя, не гони меня, полюби, пожалѣй сиротъ моихъ бѣдныхъ!

— Ишь, вѣдь, хитрый какой, заговорилъ теперь,—отвѣтила, вся вспыхнувъ, Аннушка.—Чего-жъ это ты допрежь-то таился, правды не сказывалъ? Ну вотъ и я теперь не скажу, что думаю. Подожди, дай подумать мнѣ, а черезъ два дня пріѣзжай и отвѣтъ получишь,—и на этихъ словахъ убѣжала отъ меня по лѣсной просѣкѣ.

Измучился я за два дня, отвѣта Аннушкина ожидаючи. Думалъ и не дождусь. На третій—поѣхалъ я въ княжескій лѣсъ. Не доѣхалъ я и до просѣки, смотрю, на дорогѣ стоитъ моя ясочка, такая нарядная да веселая.

Соскочилъ я съ саней-то и прямо къ ней.

— Ну, что, говорю, понадумала,—сказывай скорѣй!

— Я о дѣткахъ твоихъ, птенчикахъ, справлялася, повидала ихъ, больно жаль мнѣ стало сиротокъ. Хочется приласкать, приголубить ихъ. Не миновать мнѣ, видно, купчихой-то быть,—надо сердце свое поневолить, полюбить тебя!—а сама головой припала ко мнѣ на грудь, и не то смѣется, не то плачетъ.—Сказать тебѣ правду, правду истинную? Полюбился ты мнѣ, давно полюбился, только сердцу-то волю дать я боялася...

Обрадовался старый Семенъ дочернину счастью. Согласился ко мнѣ перебраться, свои кости старыя успокоить.

Сидимъ это мы въ сторожкѣ, да милуемся.

— А все-жъ,—говоритъ Аннушка,—жаль бѣднягу Павла-то. Кто теперь за него пойдетъ? Кто сиротъ его пожалѣетъ. Кабы знала я, что ты серчать не будешь, попросила-бы я тебя, Михайловичъ, объ одномъ дѣлѣ.

Видишь, родства у меня въ здѣшнихъ мѣстахъ никакого нѣтути. Не играй ты свадьбы богатой, не расходуй денегъ попусту. Коли хочешь ужъ меня порадоват—помоги лучше Павлу-то.

— Будь по твоему, моя ласточка,—на справу ему дамъ и лошадь куплю.

Повѣнчали насъ на „Красную Горку“ Не было ни родни именитой, ни чванства купеческаго. Простыя деревенскія дѣвушки да парни изъ Долгонихи были поѣзжане моей Аннушки.

Любимую, по сердцу, выбранную жену ввелъ я въ свой домъ. И точно солнышко весеннее озарила моя желанная мой домикъ и мою сѣрую дотолѣ жизнь.

Прошелъ годъ, другой. Сыночка намъ Богъ даровалъ. Обрадовался я, обрадовались новому братцу и мои дѣтки малыя. Всѣхъ ихъ ласкаетъ, всѣхъ жалѣетъ равно моя богоданная женушка. Да и старый-то дѣдушка внучатъ не различаетъ. Здоровье его поправилось и, когда въ силахъ, онъ опять берется за кисти.

А. Аксаковъ.

Типографія „Улей“. Морская ул., д. 13—3.